

ТАЙНА МОГИЛЬНОГО КРЕСТА

ЮРИЙ
ТОРУБАРОВ

Исторические
Приключения

Исторические приключения (Вече)

Юрий Торубаров

Тайна могильного креста

«ВЕЧЕ»

2007

Торубаров Ю. Д.

Тайна могильного креста / Ю. Д. Торубаров — «ВЕЧЕ»,
2007 — (Исторические приключения (Вече))

Глубокой осенью 1237 года на русские города и веси обрушилось могучее войско «злых татаровей», подвергшее огню и мечу почти всю Северо-восточную Русь. Не думал не гадал воевода Андрей Сеча, что тихая и мирная жизнь его родного Козельска в одночасье будет порушена беспощадными захватчиками. Что придется ему пожертвовать самым дорогим на свете – жизнью единственного сына, дабы спасти женщин и детей от лютой смерти во имя будущего родной земли.

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Заря кровавая	15
Глава 1	15
Глава 2	18
Глава 3	22
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юрий Торубаров

Тайна могильного креста

© Торубаров Ю. Д., 2007

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Пролог

Воевода Андрей Сеча проснулся от громкого тревожного стука. Кто-то ломился яростно и настойчиво, отчего толстая дубовая дверь громыхала, как телега на кочках. Этот грохот вдруг отозвался воспоминанием далеких дней отрочества. Давно, очень давно это было. Казалось, что время иссушило и развеяло по годам память о том жестоком дне... но нет, над памятью нет власти, и все прошедшее выплывало ярко и образно, обжигая мозг. То был последний день князя Андрея Юрьевича Боголюбского.

Воевода вздрогнул, когда перед его мысленным взором мелькнуло и проянилось добродушное лицо князя, борода с проседью, веселые искорки в усталых глазах. Потом представилась и вся его суховатая, чуть сторбленная фигура в легком дорожном одеянии. Большие пальцы рук сунуты за широкий кожаный пояс, меч, притороченный у левого бедра, почти достает пола. Да, таким он и был в то злопамятное утро, когда в последний раз вышел на крыльцо терема. Задержавшись на самом краю ступеньки, он несколько раз качнулся на носках, словно пробуя легкость своего тела.

Взглядом скользнул по знакомым лицам ожидавших во дворе спутников. Его глаза ожили при виде коня, белоногого красавца, так и норовившего вырвать узду из крепких рук конюха. Князь всегда радовался, когда приближалось время отъезда из опостылевшего ему владимирского двора, отравленного ядом боярских интриг, наполненного молчаливыми стенами ожиревших дружинников, перегруженного мирскими заботами, как сума заблудшего афени¹. «То ли дело Боголюбово!» – любил приговаривать князь. И действительно, там не было этой суеты, постоянной изматывающей спешки в никуда.

Сколько было на счету князя таких отъездов! Ничем не выделялся и этот. Спокойно оглядел Андрей Юрьевич голубое небо, чистое и спокойное, словно лицо спящего младенца, ухоженный двор. Но сегодня Сеча не оставил бы без внимания, как выразительно переглядывались меж собой боярин Кучка с ключником Анбалом, когда княжеские сапоги застучали по ступенькам.

А тогда... Что он смыслил в те годы... Шевельнувшаяся было в душе тревога исчезла. Молодость и радостный настрой князя взяли свое, природа снова окрасилась в радужные цвета. Легко и изящно вскочил в седло. Кивнув княгине и многочисленной дворне, высыпавшей на крыльцо, взял с места в карьер. Небольшой отряд, подняв едкую пыль, рванул за предводителем.

До Боголюбова добрались быстро. В тот день князь ушел спать раньше обычного, дружески потрепав по плечу своего любимца Прокопия. Сечу, тогда еще юного отрока, взял к себе в опочивальню. Вдруг поздно вечером загромыхала дверь.

– Кто там? – тревожно спросил разбуженный князь.

– Прокопий, – невнятно отозвались за дверью.

– Это не Прокопий, – не то возразил, не то сказал сам себе князь Андрей.

Услышав его голос, в дверь начали ломиться. Лунный свет, падавший через окно, хорошо освещал комнату, и Сеча увидел, как князь вскочил с постели.

– Где мой меч? – громко воскликнул Боголюбский, сунув руку в изголовье. Оружия на месте не оказалось.

И страшная догадка осенила тогда отроково, сознание. Почему не придал он значения той встрече, случившейся сразу после приезда? Подвернувшись под руку Прокопия, Сеча тут же получил задание – сбегать в опочивальню князя и проверить свечи. Но, едва открыв дверь, столкнулся на пороге с Анбалом, выходящим из спальни. Ключник вздрогнул от неожи-

¹ Феня – коробейник, мелкий торговец.

данности, на лице его отразился испуг. Пробормотав что-то невнятное, он постарался поскорее проскользнуть в сени. Что Сече показалось подозрительным, так это прижатая к боку, точно привязанная, левая рука. Так держат руки, когда прячут что-то под платьем. Хотел он рассказать тогда князю, да так и не решился.

Теперь же стало все ясно! То был меч Борисов, которым очень гордился князь Андрей и берег его как зеницу ока. Но каяться было поздно.

Нападавшие уже выломали двери и ворвались внутрь. Боголюбский, несмотря на возраст, был еще силен, ловок и смел. Завидев вооруженных людей, он бросился на одного из них, сбил его с ног. Князь хотел вырваться наружу, но путь ему преградили несколько человек во главе с боярином Якимом Кучкой. Боярский перст указывал в сторону князя, из оскаленного рта вырвался вопль:

– Убейте изверга!

В этот момент Сече стало ясно, кто предводитель гнусного нападения. В памяти всплыл нечаянно подслушанный разговор о том, что князь когда-то казнил брата Якима, не посмотрев на родственные, по жене, связи. «Поднял руку Яким на князя в отместку за брата», – сделал вывод Сеча.

Нападение на Боголюбского продолжалось. Князя с подсвечником в руках зажали у окна. Двое нападавших надвигались на него, обнажив мечи. Пожалев, что нет оружия, Сеча выскочил из укрытия и с криком швырнул в лицо одного из врагов подвернувшуюся под руку подушку. От неожиданности тот отпрянул, и князь успел проскочить на другую сторону опочивальни, где было темно. Убийцы, рванувшись за ним, впотьмах ранили одного из своих.

Князь отбивался долго. Но силы были неравны. Кто-то ударил Сечу по голове, и он без сознания рухнул на пол. Придя в себя – подняться не хватило сил – услышал слова князя, которые и по сей день звучали в ушах:

– Нечестивцы! Какое зло я причинил вам? Если прольете мою кровь, Бог отомстит вам!

Боголюбский истекал кровью и еле держался на ногах. Наконец он упал. Убийцы, думая, что кончили кровавое дело, ушли. Собрав последние силы и преодолевая боль, Сеча подполз к князю и коснулся его лица. Тот открыл глаза и слабо улыбнулся. С помощью Сечи поднялся и, придерживаясь за стены, побрел в сени. На призывы о помощи никто не отзывался. Вдруг послышались голоса – это возвращались убийцы.

Ослабевшего князя прикончили быстро. Петр, зять Кучки, отрубил ему руку, которой тот пытался обороняться, а кто-то из бояр пронзил грудь мечом. Отыскали и закололи любимца князя, Прокопия. Не избежал удара и Сеча. Его, истекающего кровью, без сознания, нашла черница Евдокия, вышла и поставила на ноги...

Все эти события промелькнули перед воеводой в одно мгновение. Очнувшись от воспоминаний, он услышал грохот и понял: дверь вот-вот слетит с петель. Сеча сунул руку под подушку, наткнувшись на холодную рукоять меча. Сразу стало легче.

– Кто? – крикнул он, опираясь на локоть.

– Я, воевода!

Сеча с облегчением узнал низкий приглушенный голос верного Акима.

– Чего тебе?

– Слава тебе, Господи! – донеслось из-за двери. – А то я уж невесть что подумал – молчишь да молчишь!

Воевода по привычке глянул в окно, светившееся холодным звездным сиянием. Волчьим завыванием доносился шум ветра. «Надует», – подумал Сеча и повернулся к двери.

– Шастаешь тут по ночам, – проворчал он. – Говори, что стряслось! – Голос выдавал волнение: воевода понимал, что в такое время Аким по пустякам беспокоить его не станет.

– Вставай, воевода! Купчишки рязанские объявились, вести дурные принесли...

Сеча сбросил тулуп, которым, любя тепло, укрывался на ночь. Забыв про тяжесть в поясице, про старые израненные ноги, по-молодецки вскочил и босиком бросился к двери. Загрел засов, и в проеме показался встревоженный Аким со свечой в руке.

– Где они?

– Там, в сенях, – махнул рукой Аким.

– Проси в гридницу, я сейчас.

Тяжелые предчувствия одолевали воеводу. «Даниил объявился? – билось у него в голове. – Может, опять Мазовецкий зовет на помощь? Или поганые кипчаки близко?» Да нет, в стане кипчаков у него уже давно свои люди. Не дай Бог, чего задумают там, воеводе сразу станет известно. Мазовецкий тоже вряд ли. Князь Михаил без совета с князьями да дружинниками на помощь полякам не пойдет. Даниил? Но почему тогда купцы?

Воевода поехался – в опочивальне было прохладно. Кряхтя, подался вперед, нащупал корзно², подбитое заячьими шкурами, положил его на колени, провел рукой по мягкому меху. Держась за поясицу, поднялся, набросил одежду на костлявые плечи.

Набежавшие тучи скрыли луну, и в комнате совсем стемнело. Сеча нашарил на столе огневище и кресало, и яркие искры снопом посыпались к его ногам. Вспыхнувшая свеча осветила маленькую комнату с голыми стенами и сводчатым потолком. Прикрывая пламя рукой, Сеча вошел в гридницу. Свет выхватил из мрака длинный, с резными ножками, дубовый стол, стулья с подлокотниками. В глубине дома гул шагов прозвучал тревожно, как эхо набата. В дверях появился высокий статный Аким, за ним смутно вырисовывались фигуры нескольких человек.

Купцы, все крепкие, широкоплечие, бородатые, степенно рассаживались вокруг стола.

– Пусть принесут чего-нибудь, Аким, – попросил воевода, кашлянув в мосластый кулак.

Гости и хозяин молчали, разглядывая друг друга. Два молодых отрока принесли жбан с медком и разную закуску. Воевода терпеливо ждал, пока пришедшие утолят первый голод. Наконец купцы обтерли ладонями рты и выпрямились.

– Что случилось? – тихо спросил Сеча.

– Беда, князь, татары взяли Рязань, – сдавленным голосом произнес один. – Ведет их Батый. – Он немигающе уставился на воеводу.

Ударь гром среди ясного неба, поверни Жиздра вспять – и то меньше ошарашило бы Сечу, чем эти слова. Пораженный услышанным, воевода приподнялся, сразу как-то осунувшись, побледнев. В висках застучало...

...Да, татар он знал и помнил. Встречался с ними на Калке. Проснулся тогда таинственный Восток. Как первые лучи восходящего солнца поползли обрывочные, несвязные слухи о далеких невиданных пришельцах. Еще не неся явной угрозы, они росли и крепили. И главными вестниками были вчерашние враги Руси – кипчаки.

Слава делит, беда роднит. Все настойчивее, все слезливее пошли мольбы полоцкие. Не их – себя спасать откликнулась Русь! Русь, да не та...

Собрались гордые и упрямые правители русской земли на киевском дворе. И многие пошли своей дорогой. Не поняли, не оценили они эту новую восточную силу. Думалось им, что она подобна кипчацким набегам, от которых хоть и натерпелась Русь, но немало князей, чего греха таить, на них нажились...

Боевой, помнится, был тогда совет. Некоторым князьям хотелось видеть своим вожаком отважного галицкого князя Мстислава, прозванного в народе Удалым. Но разве мог гордый Мономахович идти под стягами галицкими! Порешили: каждый идет своим путем. Не по чину просил тогда слово он, воевода князя Козельского. Долго убеждал, чтобы отказались они от этого смертоносного для Руси решения. Доказывал: в единении сила. Приводил примеры,

² Корзно – вид верхней одежды, зипун.

до чего доводила на Руси грызня княжеская. Напомнил им о Великом Мономахе, при котором Русь была едина и враги, как мышь кошки, боялись тогда приближаться к границам русинским.

– Кто нас поучает? – поднялся красный от гнева Ярослав Мстиславович. – Каких это земель он князь?

Кто-то ехидно бросил:

– Он такой же князь, как ворон – сокол!

В толпе засмеялись. Но поднялся Святославович, глаза сверкали праведным гневом.

– Да, не князь это, мой воевода! Но разве не дело он говорит? – Мстислав Козельский повернул к князьям честное открытое лицо. Но презрением и ненавистью встретили они его слова.

– Наше дело! – расхохотался Ярослав. Многим его смех показался неестественным. А он продолжал с вызовом: – Да ты просто трус! Хочешь со своим воеводой прятаться за нашими спинами! Я один пойду на этих нехристей! – ударил он в свою грудь огромным кулачищем. – И вы мне не указ!

Вскипел Мстислав, угрожающе потянувшись к рукояти меча, висевшего на широком узорчатом поясе с камнями.

– Други мои! – вскочил Мономахович, поднимая руки, – еще не хватало, чтобы на потеху вражине затеяли сейчас срам! Богом прошу – успокойтесь!

Князья сели, гневными взглядами оглаживая друг друга. Нашлись у Ярослава союзники.

– Оставайтесь, без вас пойдем! – загалдели они.

Беспомощным, неуверенным выглядел тогда Мстислав Романович, князь Киевский. Так и не смог урезонить отчаянные, бездумные головы. Только молвил:

– Бог нас рассудит, князья...

Наутро выступили в поход. Козельцы объединились с киевлянами, черниговцами. К ним примкнули еще несколько князей.

Неведомое воинство встретили на четвертый день пути. Далекие точки маячили на вершинах холмов. Словно перекасти-поле, всадники то появлялись, то исчезали неизвестно куда. Всю ночь, не сомкнув глаз, ждали русичи нападения, да так и не дождались. Кое-кто уже начал сожалеть, не ушла ли вражина. А с рассветом увидели: облепив далекий холм, как пчелы матку, стоят недобрым ветром занесенные в эти края люди. Русские приготовились к бою. Но татары вдруг развернули коней, послав всего лишь несколько стрел, и растаяли, словно облако в ветреный день.

Русы не стали топтаться на месте, а пошли дальше на восход солнца. Вскоре достигли злополучного берега Калки, откуда и началось падение славы русского оружия. Вновь появились татары – выходцы из ада. Темной лавой устремились на лагерь русичей. Задрожала, застонала земля, вспугнутое воронье взвилось и закружилось в светлеющем небе, оглашая местность могильными криками. Дозорные, заметив движение врага, подали сигнал. Дружина изготовилась к бою.

Все ближе враг, грозящий смести все на пути, все громче гул. Вот уже можно разглядеть лица в отблеске разгорающегося рассвета – скуластые, темные. Широко расставленные маленькие глаза, приплюснутые носы. Вдруг темная масса остановилась как вкопанная, застыла на мгновение. И тут всадники, точно по команде, взметнули луки, и засверкали в лучах восходящего солнца стрелы. Упали первые воины. Строй русских, качнувшись, сомкнулся, одеваясь стальным обручем щитов.

Закончив обстрел, татары ловко сменили луки на тонкие кривые сабли и бросились вперед. Зазвенела о шлемы сталь. Русские не дрогнули от этого, казалось, все сокрушающего, натиска. Острые пики разили ряды нападавших. Внезапно вся масса рвущихся вперед вра-

гов разделилась. Осыпая тучами стрел стоявших русичей, развернула коней и стала уходить в степи.

– Враг дрогнул! Вперед, братцы! – слышались победные крики дружинников.

Мстислава, как и многих, поманил призрак победы. Но в сознании воеводы смутно мелькнула мысль о татарской хитрости. Он успел схватить княжеского коня за узды.

– Князь, это ловушка! Стой! Люди, назад! Врагу только и надо, что расстроить наши ряды! Стойте-е-е!..

Люди послушались: хотя и с руганью, стали возвращаться назад. И действительно, ждать татар пришлось недолго. Враг разъярился, поняв, что его хитрость разгадана. Вновь загудела, застонала земля, и из-за гребня холма выплеснулась нескончаемая конная масса. Она набирала скорость и, как бурлящий поток, встретивший препятствие, со всей силой обрушилась на русский лагерь. Битва закипела жестокая. Русским пришлось отступить за повозки, но они выдержали и этот натиск.

Татары не давали продыху ни днем, ни ночью, стараясь измотать соперника. Сеча посоветовал тогда князю разделить отряд на две части: одна держит оборону, другая отдыхает. Если же враг нажимал крепко, поднимали всех. Стояли насмерть. И не одна широкоскулая голова катилась наземь, обильно поливая ее горячей кровью. Досталось тогда и русским, ох, досталось!

Дружина могла бы стоять еще долго. Но князья... Они первыми не выдержали и рассудили по-своему. Хорошо помнил воевода тот черный вечер. Он с Мстиславом обходил тогда свой участок обороны, расставляя козельцев в образовавшиеся бреши, как вдруг за спиной раздались крики:

– Князь, где князь? Тиун³ князя киевского тебя ищет!

– Здесь он! – понеслось по рядам.

Подошел незнакомый человек. Прежнего тиуна Мстислав знал в лицо, успел подумать: «Видать, здесь нашла его душа вечный покой. Как быстро отлетают жизни...»

– Ты князь Мстислав? – грубовато спросил подошедший. – Великий князь кличет. – И, повернувшись, ушел.

– Думаю, на совет зовет, – тихо сказал князю Сеча. – Слухи ползут, что татары мир предложили.

– Ну что ж, совет, так совет, – вздохнул Мстислав, и воеводу удивил тихий, потерявший силу и уверенность, голос князя. – Пошли...

Узнав козельцев, стража отбросила полог, пропуская их в шатер. Там уже толпились люди. Мстислав Романович кивком приветствовал вошедших. С самого начала упорных боев Сеча не виделся с Великим князем, и его поразило, как сильно тот изменился. Лицо его похудело и оттого казалось суровым. Ввалившиеся глаза смотрели устало и отрешенно, избегая встречных взглядов, словно пряча растерянность.

Великий князь поднял руку, и все замолчали. Начал Романович тяжелым, не предвещающим ничего хорошего голосом.

– Что пригласил вас, други мои верные, – настало время думу думать... – И замолчал, уставившись в одну точку. Все с напряжением ждали, затаив дыхание, но князь молчал. Поднялся ропот. Тогда князь обвел присутствующих испытующим взглядом и тихо промолвил: – Татары предложили мир...

Воцарилась мертвая тишина. Ее нарушил чей-то неуверенный голос из задних рядов:

– Мир? На каких условиях? Задарма, поди, не выпустят?

– Задарма не выпустят, – откликнулся киевский князь и добавил: – С нами ничего не случится.

³ Тиун – слуга, иногда выполнявший обязанности судьи низшей категории.

Стоявшие рядом князя и бояре одобрительно закивали. Первым, по-медвежьи перева-ливаясь, вышел на круг грузный боярин Стромович. Поправив под солидным животом ремень и откашлявшись, заговорил глухим, как из бочки, голосом:

– Великий князь! Други! Я думаю – это почетный мир. Их ведь, окаянных, не счесть, и сил наших здесь на них не хватит. Чем погибать безвестно, вернемся, Бог даст, домой, горо-дишко укрепим, силенки соберем... Вдруг нехристь дальше двинет, тогда и рассчитаемся. Ору-жие я сдаю... – Отстегнув меч, он вытащил его из ножен, поцеловал и положил к ногам Вели-кого князя.

В рядах зашевелились, многие потянулись к оружию.

– Мы с дружиной оружие сдавать не будем, – тихо, но твердо сказал тогда князь Козель-ский. – Лучше умрем с ним в чистом поле, как подобает воину, чем дадим надругаться над собой. Хана не знаю, но чует мое сердце – не зря он пришел к нам, беречь наше войско ему ни к чему. Поэтому и слову его не верю. Мертвый уж ничего не скажет...

Мстислав обрадованно заулыбался и, коротко пожав ему руку, шагнул вперед.

– Дозволь слово молвить. Я думаю, великий князь, это хитрость коварного врага. Сдав оружие, мы станем легкой добычей. Поэтому простите, люди хорошие, но я со своей дружиной ухожу. Кто со мной? – Он обвел взглядом присутствующих. Многие прятали глаза. – Ну, есть еще бездумные храбрецы? – возвысил голос Мстислав Романович.

Толпа молчала. Великий князь почувствовал: в ней что-то надломилось. Еще мгнове-ние – и дело, так блестяще начатое, может погибнуть. Надо что-то предпринять.

– Ну что ж, вольному воля, – сказал Романович. – Каждый выбирает свой путь. Но без-рассудно кидаться в омут я не хочу. Думаю, что верить ханскому слову надо. А оружие... Что его жалеть! Были бы руки, а его добудем. Так я говорю, други? – он посмотрел в сторону Стромовича, стоявшего в окружении бояр.

– Так! Козелец пусть идет! – наперебой заговорили они.

– Кого направим к хану послом? – спросил Великий князь.

– Давай боярина Стромовича! – раздались голоса.

На том и порешили.

По-разному встретили это известие дружинники.

– Князьям-то что, они от кого хошь откупятся...

– Пропали наши головушки...

– Чего заревел, може, обойдется... – перебрасывались киевляне отрывистыми фразами.

Возликовали лишь козельцы, узнав о решении своего князя. Многие, прослышав о таком шаге, побежали к козельцам, да князя пресекать стали. Глубокой ночью, неслышно оседлав коней, козельцы прорвали в отчаянной рубке татарский заслон и ушли в спасительную мглу необъятных степей. Возрадовались люди: казалось, что самое страшное позади...

Обрадованный князь захотел напрямик идти до родных стен. Как ни пытался воевода убедить князя не доверять легкости, с какой они избавились от татарского преследования, – не смог. До сих пор не может простить себе Сеча, что не сумел тогда настоять на своем.

– Ты, Андрей, иди тем путем, который сам выбрал, – сказал тогда Мстислав. – Возьми половину воинов, уходи на восход, а я же пойду, как сердце велит, – домой!

Они обнялись. Больше не довелось им встретиться.

Ловко расставили татары заслоны. Храбро рубился князь с дружиной, но силы были неравны. Один Сысой чудом спасся – оглушенный, свалился под копыта своего коня, и татары приняли его за убитого. Когда очнулся, кругом стояла удивительная тишина. Все поле было устлано трупами: русы лежали вперемешку с татарами. Князя нашел быстро. Тот лежал лицом вниз, разбросав руки, словно обнимал родную землю. В спине его торчал обломок черного татарского копья. Рядом княжич... Собрав остатки сил, предал Сысой их бранные тела земле.

Долго после этого плутал по незнакомому краю, пока наконец чудом не наткнулся на родные места.

А Сеча ушел далеко на восток и, уже повернув на север, считая, что враг далеко позади, лицом к лицу столкнулся с татарским отрядом. Завязалась крепкая сеча. Ожесточенность русских была настолько сильной, что враг не выдержал и повернул конец, оставив на поле боя несколько убитых и четверых раненых. Кому-то пришлось в голову прихватить раненых врагов в качестве военного трофея. Трех, несмотря на заботы, не довезли. А вот четвертого спасли – дотянул до Козельска. На семнадцатый день непрерывного хода Сеча был дома. И только через несколько месяцев, с неожиданным возвращением Сыся, козельцы узнали о страшной трагедии, разыгравшейся в степном просторе, о гибели князя и его дружины.

Хорошо помнит Сеча, как встречали их земляки. Сколько радости, сколько горя увидел он на их лицах! Узнав, что за человек беспомощно лежит на расшитой воеводиной шубе, толпа двинулась к пленнику, угрожающе сжимая кулаки. Особенно страшны были бабы, потерявшие мужей.

– Где наши мужики? – вопили они. Мокрые от слез лица дышали таким горем, такой ненавистью, что смотреть на них без содрогания было просо невозможно. – Это ты, нехристь, их погубил! Смерть ему!

И они разорвали бы его...

– Стойте! – что было мочи закричал Сеча. – Стойте! Где и когда вы видели, чтобы на Руси били лежачего, да еще и раненого?! Или хотите позора на нашу голову? В бою я его и сам не пощадил бы, но он пленен, ранен, и наш долг оказать ему помощь. Этим всегда сильна была Русь. Так поступали наши отцы и деды. Не будем нарушать этот святой обычай! Пусть ваша доброта будет выше мести.

Толпа замерла.

– Прав воевода! – взвизгнула вдруг какая-то заплаканная баба. – Бог видит все! Бог не простит, если мы с ним расправимся!

Толпа, согласно загудев, стала расходиться.

– Стойте, бабы! – Воевода поднял руку. – Что же вы? Спасли ему жизнь – и бросаете на произвол судьбы! Кто будет ходить за ним?

Бабы, чертыхаясь, заторопились восвояси. Лишь одна, не старая еще, женщина подошла к пленнику:

– Выздоровеет, мужик в доме будет, – ласково сказала она. – Грешно душу человеческую губить...

...И вот опять татары! Ждал их Андрей Сеча, ох, ждал...

– Крепко задумался, воевода! – донесся до его сознания чей-то голос. Гости сидели за столом, поглядывая на пустые блюда.

– Задуматься есть над чем... – вздохнул Сеча. – Долго ли продержалась Рязань?

– Пять ден.

– И никто не пособил?

– Кому ж... Теперь каждый сам по себе. Очевидцы сказывали, что Батый потребовал от рязанцев десятину. Совет был, там порешили: коли врагу дать требуемое, он нашу слабость почувствует. И пока не разорит, тянуть не бросит. Не давать! На том и порешили...

– Куда дальше пошли?

– Вроде на Коломну. Больше ничего не знаем, – наперебой отвечали купцы. – Что дальше будет, судить не беремся. Но возвращаться на Рязань опасно. Вот и держим путь до Киева. Стены там не чета нашим...

Проводив гостей на отдых, Сеча позвал Акима.

– Беда на Русь пришла! – огорошил его с порога. – Татары вновь объявились. Сейчас думу думать надобно. Кликай срочно совет, да свечей, скажи, пусть принесут побольше.

– До утра не ждет? – Аким посмотрел в темные глазницы окон.

– Не ждет, Аким!..

Совет собрался быстро. Не было только князя Василия. Наконец двери открылись и вошел юноша, почти мальчик. Его лицо светилось лучезарной улыбкой, но глаза глядели не по-детски серьезно. Воевода низко поклонился и, сдвинув косматые брови, отчего взгляд сделался сумрачным, сказал тихо, но внятно:

– Прости, князь, что разбудил среди ночи... Великое горе обрушилось на землю Русскую. Татары взяли Рязань.

Гридница застыла, потом зашумела.

– Кто весть принес? – раздался резкий голос боярина Вырды.

– Купцы рязанские, – хмуро ответил Сеча. – На пятый день пала. Антихристы ее дотла сожгли. На Коломну двинулись...

Заговорил Бразд – невысокий суховатый боярин, казавшийся старше своих лет.

– Зря ты нас пугаешь, воевода. Рязань-то далече. Ну, пожгли. До нас искры не долетят. Чего нам бояться? Пусть на Коломну идут. Глядишь, там им шеи и ломают.

Разом в поддержку заговорили несколько человек, но тут же умолкли, заметив, что большая часть гридницы настроена по-иному. Князь Василий сидел спокойно, наблюдая за людьми. А те, понуриив головы, о чем-то думали. Воевода чувствовал, что многие, заслышав о десятине, прикидывают.

– Что молчите, други? – обвел он всех взглядом.

– А что говорить-то... – поднялся князь Всеволод, далекий родственник козельских князей по Великой черниговской княгине. Он потеревил короткую бороденку. – Я так думаю: татары не хотят воевать, раз десятину просят. Дураки были рязанцы, что не отдали, – заключил он и, ни на кого не глядя, сел.

– Эх ты! – вскочил боярин Авдей. Толстое, всегда добродушное лицо приобрело злое выражение. Он провел пухлой ладонью по вспотевшей лысине. – Сам-то ты, князь, безземельный, потому чужое легко раздаешь. Ишь, сыскался тут! «Дураки»! – передразнил Авдей князя Всеволода. – Татарам отдай палец, они и руку отхватят! – Дыхание со свистом вырывалось из его вздымавшейся груди.

Поднялся дружинник. Многочисленные шрамы на его лице говорили о боевой жизни воина.

– Добро, оно дело наживное. А вдруг им земля наша понадобится? По мне, так лучше в сыру землю лечь, чем ее, матушку, ворогу отдать, – дружинник сел.

– Зачем лишнюю кровь проливать? Прав князь, – заговорил боярин, сидевший рядом с Авдеем. Его скуластое лицо в отсвете свечей казалось бронзовым и от этого суровым. – Рязань цела осталась бы, отдай они запрошенное. Коли дело до нас дойдет, думаю, надо согласиться, – он замолк и, зябко ежась, спрятал голову в высокий воротник кафтана.

Больше никто не захотел подниматься. Воцарилась тишина. Люди только что начали осознавать опасность, которая, словно далекое облако, зародившееся над сенью лесов, медленно нарастая, двигалось на них, грозя разразиться ливнем.

Настал черед говорить воеводе – самому уважаемому, самому авторитетному воину, слава о котором разлеталась во все стороны земли Русской. Люди верили, надеялись на него. И до сих пор он их надежду и веру не подводил.

По обыкновению кашлянув, воевода заговорил тихим низким голосом:

– Князь, други мои дорогие! Вижу, одни готовы тряхнуть судьбиной, другие – стоять насмерть. Други! Татары давно глядят на закат. Они прибрали к рукам далекий Яик, прогнав саксинов, половцев. Но, не насытившись этим куском, повернули конец на Великий Булгар. Воевали и их. Не просто пришли татары и на Русь. Ворогов давно зовет блеск злата наших городов. Пала Рязань. Кровавый пир начался. Кто на очереди? Где еще застучат копыта татарских

лошадей? И рязанцы поступили правильно – десятина не спасла бы их. Думаю, надо укреплять Козельск: нарастить стены, расширить ров. Готовить оружие, продовольствие. Купцы толковали про какие-то диковинные машины, которые дробят стены... Неплохо бы взглянуть, как они работают и как их можно обезвредить. Трудное это дело, опасное. Тут и хитрость нужна, и сметка. Ехать надо к ним...

Гридница тихонько ахнула. Не смутившись, Сеча продолжал:

– Да, ехать или идти! Главное – быть там, и как можно скорее. Заодно посмотреть, что это стало за воинство, как строит свои сражения. А повезет – и путь их дальнейший выведать. Думаю, Топорка снарядить можно, – воевода глянул прямо в лицо князя.

– Топорка! Да ведь верно, он же монгол! – глаза боярина Роговича блестели, лицо сияло.

– А вдруг уйдет? – с сомнением спросил кто-то.

– Уйдет? Топорок-то? Да вы что, братцы! – вскочил Трувор. – Да сколько раз я с ним половцев гонял! Друг он надежный!

– Он и мне говорил, – поддержал его Тимофей, высокий, статный дружинник, – что мы, русы, стали для него братьями.

– Да, своим стал у нас Топорок. А семья какая! Жена русская, а смотри, как ладно живут!

– Точно, деток-то наладили сколько, – раздался смешливый голос. Многие засмеялись.

– Но одного Топорка посылать нельзя, – заметил воевода. – Всякое может случиться.

Да и дороги он не знает.

– Правильно, – поддержал Рогович.

– Кого? – спросил Сеча, потеплевшими глазами глядя на боярина.

Поднялся князь Всеволод.

– Думаю, для этого подойдет... – Он помедлил – и решительно dokonчил: – Аскольд!

– Аскольд! – изумилась гридница.

Даже у суровых дружинников, не раз смотревших смерти в лицо, и то дрогнули зачерствелые сердца. Аскольд! Воеводин сын! Единственный! Больше нет у воеводы никого близкого, это все, что оставила ему судьба от длинной, суровой, тягостной жизни. А потому сын для воеводы был самым дорогим существом.

На Андрея Сечу страшно было смотреть. Он весь ссутулился, словно на плечи навалили непосильный груз, лицо стало безжизненным. Он поднялся, опершись на стол, и обвел присутствующих затуманенным взглядом:

– Если други не возражают, быть посему.

Много, очень много воды утекло с тех пор. Но не могла она смыть из памяти людской слова воеводы, сказанные тогда на совете, почти обрекавшие на гибель единственного сына, надежду, опору...

Было это лета 1237, в месяце студене. Заканчивался для козельцев год, открывший счет кровавым столетиям унижений Русской земли.

Часть 1. Заря кровавая

Глава 1

...Год 1237 начинался как обычно и ничего особенного не сулил. Произошло, правда, знамение: «летящую по небеси до земли ярко кругу огнену, и оставя по следу его знамение в образе змея великого, и стоя по небу с час дневной и разидося». Поговорили о нем – к беде, – да и забыли, поглощенные житейской суетой.

Березоль месяц выдался теплым. Снег сходил быстро, обнажая истосковавшуюся по солнечной ласке землю. Радовался люд, поглядывая на поголубевшее небо. Радовались весне и в хоромах князя Черниговского.

Михаила Всеволодовича Чермного потянуло на волю, в клубящиеся испариной поля, где он любил послушать многоголосицу пробуждающейся жизни. Князь приказал седлать коней.

Княгиня, проводив мужа, направилась в опочивальню, где ее ждали девки. Она лениво перевернулась на живот, и две крепкие коренастые служанки, не жалея рук, начали втирать ей заморские мази, предохраняющие, по уверениям негоциантов, от ожирения и делающие кожу упругой и гладкой, как у пятнадцатилетней персиянки.

– Жиреешь – стареешь, – говаривал один ее знакомый.

Она боялась потерять красоту тела, и гривен для сохранения молодости не жалела, как ни боялась порой адских мук.

Девки убрали прилипшие к потной спине княгини черные как смоль волосы и, разделив надвое, уложили вдоль тела.

– Седина не появилась? – не поднимая головы, спросила княгиня. Одна из девок стала прядь за прядью перебирать волосы.

– Нет, матушка княгиня. Разве что один волосочек. – Отделив от остальных, она поднесла его к глазам княгини.

– Да, и вправду бел, – после некоторого раздумья ответила та. – Выдерни его. – Она горестно вздохнула.

Девка дернула волосок. В ответ раздался слабый стон. Ладони снова заскользили по бархатистой смуглой коже – наследство далеких степных предков. А княгиня, довольная и разомлевшая, закрыла глаза и предалась ставшим привычными воспоминаниям... В ее видениях возникли такие желанные смеющиеся серые глаза. За ними вырисовалось и красивое тонкое лицо польского князя Мазовецкого. В ушах княгини зазвучал тихий вкрадчивый голос: «Княгиня, время не властно над тобой! Ты не меняешься и выглядишь как непорочная дева...»

За воспоминаниями княгиня не расслышала, как скрипнула дверь и в опочивальню легкой тенью проскользнула худая как жердь, сторбленная Агриппина. Неслышно подбежала она к резной кровати и, захлебываясь словами, зашептала в затылок княгине:

– Матушка! Ты слышишь меня, матушка?

– Чего тебе? – недовольно спросила княгиня, медленно открывая глаза.

– Гончик с Козельска, – старуха упала на колени и всплеснула руками. – Беда там! Князь, сказывают, приказал долго жить!

Княгиня поспешно вскочила. Девки в страхе разлетелись в стороны, потом принялись торопливо одевать хозяйку. Нетерпеливым движением та собрала волосы в толстый жгут, несколько раз обернула им голову и заколола позолоченным гребнем. Набросила зеленый с красной каймой платок и резко приказала:

– Зови!

Вошел гонец, с головы до пят весь обрызганный грязью. Заросшее лицо трудно было разглядеть, только глаза смотрели печально и устало.

– Ну, сказывай! – княгиня величественно выпрямилась, лицо словно застыло.

– Великая княгиня! – гонец низко поклонился и продолжал дрогнувшим голосом: – Наш князь... Богу душу отдал. – Чувствовалось, что не перебродила еще в его душе боль от случившегося.

– Когда преставился князь? Помяни, Господи, его душу грешную, – княгиня перекрестилась и вытерла глаза.

– Четвертого дня... Занемог князь, на охоте думал размяться, но Бог по-своему рассудил.

Из короткого сумбурного рассказа княгиня ничего не поняла, но переспрашивать не стала. Только сказала:

– Каждому свой конец. Что на роду написано, того не миновать. В Киев послали за дочерью?

Гонец, переступив с ноги на ногу, ответил:

– Этого, великая княгиня, не ведаю, – и провел по сухим губам рукой.

Поняв, что больше от него ничего не добиться, княгиня приказала:

– Ступай, мил человек. Агриппина, дай ему гривну да накорми с дороги.

Но гонец продолжал стоять.

– Великая княгиня, воевода повелел доложить князю.

Княгиня дернулась, губы скривились в презрительной усмешке.

– Его нет. Будет – сама скажу. Теперь ступай!

Гонец поклонился и вышел, оставив после себя на желтоватом полу грязную лужу.

– Разыщи братца моего Всеволода, – приказала княгиня Агриппине. – Хочу его видеть.

Старуха неслышно исчезла за дверью. Всеволода пришлось искать долго.

– Ты где запропастился? – набросилась на него сестра, не дождавшись, пока он перешагнет порог. – Опять у распутниц пьянствовал?!

Вошедший улыбнулся и напевно ответил:

– Я, сестрица, вольная птица, куда хочу, туда лечу.

От этих слов княгиню передернуло.

– Долетался, без портков остался!

– Михаилу своему благодарствуй! – лицо Всеволода перекошилось в гнев. – Сидел бы я в Глухове – так нет, Симеону, сыночку твоему, отчина понадобилась!

– Что старое ворошить? – сестра строго посмотрела на брата. – Зачем отдал стол свой в Бельзе?

– Будто не знаешь! Не было у меня ратных людишек противу Александра. Гонцов слал к Михаилу, тебя просил...

– Сами тогда на волоске висели. – Княгиня вздохнула. – Вернулся из половецкого плена Владимир. Стал Рюрикович войско готовить против нас...

Князь прищурился:

– Кругом одна ложь! Как мне пособить, так отговорка всегда найдется. Не верю больше никому! Намыкался вдоволь, а ты еще коришь...

– Бедный ты мой, – княгиня потянула брата за рукав и, обняв, прижалась к его груди, – некому пожалеть. А насчет Глухова ты неправ. Отец мне отказал, когда под венец с Михаилом пошла.

– Не помню! – Всеволод высвободился из ее объятий. – Грамоты не видел. Люди другое сказывали.

– Не слушай ты людей... Мне верь!

Князь фыркнул. Вдруг лицо его расцвело:

– О, какие пташки!

Он подступил к девкам и принялся щипать их за бока. Те завизжали.

– А ну, пошли вон! – набросилась на них княгиня. Девки, натываясь друг на друга, бросились к двери. – А ты хорош гусь! За каждым сарафаном цепляешься, грешная твоя душа! – зло визжала сестра.

Братец, глуповато ухмыляясь, покачал головой.

– Ой, сестрица, и твоя душа не светла... И сейчас по тому пану сохнешь! Вот шепну Михаилу...

– Тьфу, дурак безмозглый! Слушай, только что явился гончик с Козельска. Князь скончался.

– Ну и что? Опять хочешь послать меня на похороны?

– Дурень! Место ведь для тебя освободилось!

– Там же свой князь есть, – с сомнением возразил брат.

– Князь совсем ребенок! Возьмешь все в свои руки, потом помотришь – юнца куда-нибудь денешь. Печенег до княжеских кровей охочи, а с сестрой его, Всеславной – она сейчас в Киеве, – коли чего, обвенчаешься. Это тебя закрепит! – победно закончила княгиня.

– Э-э-э, сестрица... Старик воевода там – его и боюсь. Тогда хитростью удалось мне отправить его в руки кипчаков, что ж ты с князем ничего не сделала? Вернулся от тебя, еще и старика выкупил!

– Ладно, не время сейчас распри затевать! Старик опасен, посмотрим, как от него избавиться, коли в тот раз не удалось. А у тебя другого такого случая не будет. Упустишь его. Закрепнет молодой князь – ничего не поделаешь. Денег я тебе дам, немного. Бояр на свою сторону тyani, почаще в гости зови. На дармовщину они горазды.

Брат слушал ее внимательно, а когда она закончила, сказал:

– Дружина моя уж больно мала.

– А зачем тебе большая? В уме ли ты, братец? Старик на полдороге неладное почует, ворота от тебя запрет. Хитростью надо действовать, хитростью. Видишь недовольного – к себе тyani. Попался обиженный – на самолюбии играй. Прутик за прутиком – веник и получится. А уж его сломать трудно. Ну, ступай с Богом.

Когда Всеволод выходил из ворот княжеского двора, к нему тенью метнулся человек. Князь отпрянул в сторону и схватился за рукоять меча.

– Чего тебе?

– Не узнал, князь? – Это был преданный ему до мозга костей тиун. – Зачем срочно кликала княгиня? – Он выжидающе смотрел на Всеволода.

– В Козельск на княжение поедем! – Князь торжествующе хихикнул и пересказал слуге суть дела.

Тиун сразу сник.

– Что, не по сердцу весть? – спросил князь. – Признаться, мне тоже. Но выбирать не приходится. Вели готовить дружину – через день выступаем.

Глава 2

В Киев весть о кончине Козельского князя пришла чуть позже. Гонец, доставивший горестное известие, едва держался на ногах от усталости. И двое суток проспал, не шевелясь.

Узнав о случившемся, первой заголосила княгиня киевская, тетка княжны козельской Всеславны. Бездетная родственница безумно любила свою племянницу, которая подолгу жила у нее из-за постоянной опасности, угрожающей Козельску. Может быть, длительные разлуки сделали сердце юной княжны таким нежным, добрым и отзывчивым. Она страстно любила родителей. Сильно переживала весть о кончине матери, но не смогла приехать на похороны – черниговский князь Михаил угрожал Киеву. Тетка тогда, несмотря на все мольбы Всеславны, не отпустила ее, боясь, что девушка станет легкой добычей ненавистного князя.

И вот опять страшная весть! Как выдержит сердце княжны?

Всеславна, разгоряченная ездой, на взмыленном коне возвращалась домой. Въезжая в ворота княжеского терема, она сразу услышала горестный вой, заполнивший княжеские хоромы:

– Ой, бедное ты мое дитячко! Горе-то, горяшко какое упало на твою головушку... да кто же теперь бедное дитя приголубит, кто пожалует!.. – причитала тетка, ей вторили бабки.

У девушки подкосились ноги. Она без чувств повалилась на пол. Придя в себя, только и произнесла:

– Я еду.

Сказано это было хоть и тихим голосом, но так решительно, что возразить ей никто не посмел.

Город еще был погружен в предрассветную мглу, когда его улицы огласило цоканье копыт, и группа вооруженных людей, пугая собак, вырвалась из крепостных ворот. Вот так горе заставило два небольших отряда почти одновременно с разных мест двинуться к Козельску.

Всеволод остановил коня. С пригорка открывался чудесный вид: слева подступал дремучий бор, впереди серебрилась речушка. Причудливо изгибаясь среди невысоких холмов, она манила блеском, скрываясь порой за густой растительностью. Здесь и решил князь сделать привал, тем более что время подходило к обеду.

Ели молча, сосредоточенно. Вдруг тиун закрутился на месте, словно угодил на гвоздь.

– Ты чего? – спросил князь.

Тот не ответил, только приподнялся и стал по-заячьи водить головой в разные стороны. Дружинники с любопытством поглядывали на него, не забывая о еде.

– Князь, кто-то идет за нами, – сказал наконец тиун. – Пойду погляжу.

Он осторожно поднялся на бугор и, приставив ладонь козырьком ко лбу, внимательно оглядел окрестности. Слух его не подвел. С противоположного холма спускался вооруженный отряд. Тиун упал на землю и, извиваясь ужом, пополз в сторону густого кустарника. Едва он успел туда забиться, отряд уже был рядом. И кони, и люди были покрыты толстым слоем грязи. Тиун сразу же отбросил мысль о погоне – всадники вели себя спокойно и открыто, лица у всех были грустные, сосредоточенные. Дождавшись, пока отряд скроется за рощицей, тиун бегом, отряхиваясь на ходу, вернулся к своим. Его тут же обступили.

– Князь, – хрипло зашептал он, – вооруженный отряд...

– Много? – озабоченно спросил князь.

– Десятка два наберется. Вооружены хорошо. Едут в нашу сторону, но сильно торопятся.

Людей у Всеволода было не больше. Попусту проливать кровь не хотелось. Да и дружинники вряд ли поддержали бы его – это было ясно по выражению их лиц.

– Ну, раз им с нами по пути, будем держать их на виду, – заключил князь.

Тонконогий вороной жеребец, казалось, не чувствовал усталости. Легко и грациозно он вознес своего всадника на очередной холм.

– Княжна! – донеслось снизу.

Девушка остановила коня и оглянулась. Ее пытался догнать сотский, широкоплечий детина с рыжей окладистой бородой. Вскоре его конь остановился рядом.

– Княжна, смилуйся, ради Бога! Скотинка, бедная, еле на ногах держится. Да и у людей с рассвета макового зернышка во рту не было! – воскликнул он умоляюще.

– Давайте сделаем остановку, – покорно сказала Всеславна, печально вздохнув.

Сотскому стало не по себе.

– А може, того, княжна... продолжим путь?

Но та, странно оживившись, запротестовала:

– Что вы! Мне самой пора было догадаться, что нужен привал. И люди голодны, и лошади не кормлены... Простите меня, неразумную! – она отвернулась.

– Да ты что, княжна, да мы... – забормотал было сотский, но Всеславна уже легко соскочила с коня, набросила узорчатую уздечку на крутую конскую шею. Вскоре с ними поравнялись и остальные.

– Что, передых? – спросили они хором.

– Передых, – утвердительно ответил сотский.

– Так може, тогда до ручья доберемся? Вон, впереди тальник на ветру качается. Там и вода должна быть. Коней бы напоить, – предложил Емельян, молодой дружинник с открытым добрым лицом. Его поддержали.

Первое, чем занялись после остановки, – повели на водопой коней. Вода в ручье оказалась прозрачной и холодной до ломоты. Кони пили не торопясь, часто поднимали головы и, мотая косматыми гривами, наполняли округу радостным ржанием. Напившись, они устремились на ближайший луг. Сотский выбрал сухое место и разостлал холстину.

– Вали, – скомандовал он дружинникам.

Всеславна отказалась от еды и уселась в стороне на упавшем дереве со служанкой Малушей, с которой никогда не расставалась, а та, в свою очередь, платила ей преданностью.

С едой дружина управилась быстро. Собирая остатки и пряча их в торбу, сотский посмотрел в сторону княжны. Глаза их встретились. Всеславна, промолчав, отвернулась.

– Понимает, – пробормотал себе под нос сотский. – Дрыхни, хлопцы!

Дружинники полезли на пригорок, выбирая место посуше. Вскоре раздался богатырский храп.

Спустя пару часов первым проснулся сотский. Растолкав одного из дружинников, Демьяна, отправил его собирать коней. Тот вернулся быстро и, тяжело дыша от быстрого бега, доложил:

– Кони ведут себя тревожно – сбились в табун, дрожат... Может, волки?

– Может, и волки, – сотский расправил ремень, подтянул меч. – Не были бы двуногими. – Он нагнулся и поднял шлем. – Буди дружину!

– Эй, други! – зычно гаркнул Демьян.

– Чего орешь, потише не можешь? – сотский укоризненно покачал головой, поглядев на прикорнувшую княжну.

Табун действительно вел себя тревожно.

– Волки бы не стали так долго ховаться, – предположил кто-то.

– Пойду проверю, – сотский, вытащив меч, решительно направился к ближайшей рожице. Вернулся он нескоро. По заросшему щетиной лицу ничего нельзя было понять, только в глазах горел холодный огонек.

– Там вооруженный отряд, – он махнул рукой в сторону леса. – Чего-то выжидают. Похоже, за нами следят.

– Много их?

Сотский неопределенно пожал плечами:

– Да вроде силы равны.

У охраны вырвался вздох облегчения.

– Тогда все меняется! Коли чего, за себя постоим, – оживленно заговорили они.

– Что, сотский, может, дашь мне несколько воев? – Демьян энергично провел рукой по волосам. – Я им такого жару задам, мать родную позабудут!

– Нам княжну велено доставить до места целой и невредимой, – назидательно сказал сотский и почесал затылок. – Я вот что думаю, други: хотели бы они напасть на нас, давно бы напали. Мы ведь даже охраны не выставили, – он укоризненно крикнул. – Но ехать, не узнав, кто у тебя за спиной, негоже. Седлай коней, други! – Он решительно надел шлем.

Первым приближающихся киевлян заметил тиун.

– Князь, смотри! – он указал рукоятью плетки в сторону леса. – Вроде к нам путь держат. Неужели напасть думают?

– Непохоже, – возразил князь. – Оружие, вишь, не вынута. Да и сил у них маловато, чтоб на нас нападать... Сейчас узнаем, чего они хотят.

И, словно в подтверждение этих слов, донеслось:

– Эй, кто будете?!

– А вы? – взвизгнул тиун.

– Мы люди князя киевского!

– А мы... князя черниговского! Далеко ли путь держите? – тиун от крика закашлялся.

Киевляне молчали, собравшись в кучу, – явно советовались. Затем кто-то выкрикнул:

– Мы на похороны князя Козельского!

– И мы туда же! – обрадовался тиун.

Оба отряда двинулись навстречу друг другу. Не доехав несколько шагов, остановились. Из киевлян вперед вышел здоровенный воин, закрывая собой хрупкого юношу.

– Эй, вы что, не русские? – завопил он. – Отчего за мечи держитесь? Мы к вам зла не имеем, да и вам повода не давали!

– Мы тоже, – загалдели черниговцы, снимая с нагретых рукоятей ладони.

От черниговцев отделился всадник.

– Князь Всеволод! – представился он. Некоторые киевляне его сразу узнали: он когда-то вел с ними переговоры.

Здоровяк оглянулся и кивнул на всадника, следовавшего за ним:

– Княжна Всеславна, дочь покойного князя козельского!

Всеволод с любопытством взглянул на княжну – и обомлел, утопая в бездонной синеве чудесных, несмотря на глубокую печаль, глаз юной княжны. Их особую прелесть и выразительность подчеркивали тонкие стрельчатые брови и густые, как опахало, ресницы. Весь ее облик был мил и прекрасен.

Всеславна не выдержала долгого восхищенного взгляда и, зардевшись, опустила глаза. Воспользовавшись этим, Всеволод принялся разглядывать ее фигурку, которую весьма подчеркивал походный наряд. Княжна любила так одеваться, несмотря на пересуды и злобные взгляды, какими провожали ее женщины. Он словно возвышал ее в собственных глазах, делал сильной, способной постоять за себя. Может быть, то положение, которое она занимала, позволило ей воспитать в себе независимость и гордость. Ее и побаивались, зная, что дядя научил свою племянницу великолепно владеть любым оружием.

Князь скользнул взглядом по округлым девичьим плечам, тонкой талии. В глазах его загорелся похотливый огонь. Сотский понял это и предупредительно кашлянул в здоровенный кулак. Всеволод опомнился, соскочил с коня и бросился к девушке.

– Прими, дорогая княжна, мое сочувствие постигшему тебя горю! Я не очень хорошо знал твоего батюшку, но премного наслышан о его великих деяниях. Как-никак, мы родственники, хоть и дальние. Хочу разделить с тобой тяжесть невозполнимой утраты. Я буду с тобой рядом! – он низко поклонился.

– Спасибо, князь, я очень признательна тебе за хорошую память о моем отце и за ту помощь, которую ты хочешь мне оказать, – Всеславна с благодарностью посмотрела на новоявленного родственника. Она успела отметить его приятную внешность – удлиненный овал лица, темную, аккуратно постриженную бороду, небольшие изящные усики, прямой нос с четко очерченными ноздрями. Бледные, слегка впалые щеки придавали ему болезненное выражение, которое всегда вызывает в глубине души сострадание. Но ее неприятно поразили глаза, прикрытые припухшими веками, – они бегали, словно потревоженные мыши.

Княжна быстро отвела взор и сказала посуровевшим голосом:

– Не будем терять времени. В путь! – и, пришпорив вороного, рванулась вперед.

Князь поспешил за ней, догнал и поехал рядом. Их молчание нарушалось лишь монотонным плеском жижи под конскими копытами – ехали низиной, где талые воды размывали почву.

– Смотри, княжна! – воскликнул вдруг Всеволод, показывая в сторону леса. На опушке расположилась медведица с двумя медвежатами, которые резвились на солнце, как малые дети.

– Ой, чудо-то какое! – всплеснула руками девушка.

– Хочешь, я подарю их тебе? – рука князя потянулась за луком.

– Умоляю, не делай этого!

– Как скажешь, – Всеволод склонил голову.

Медведица, заметив всадников, громко заворчала и вместе с медвежатами исчезла в зарослях.

Глава 3

Широки, раздольны поля над Жиздрой! Хороши они в любое время года, но летом... Смотришь и дивишься, и не налюбуйешься! Какими только красками не расцвечена земля! Там чаруют голубизной отмытого неба кукушкины слезы, плывут над ними белые облака. А может, это стая лебедей, высматривающая место для отдыха? Скатертью-самобранкой рассыпалась впереди белоснежная ромашка, в самой ее середине возвышается перевернутой изумрудной вазой молоденькая лиственница. Слева кто-то небрежно обронил на лиловый стол золотистую лисью шапку распутившихся одуванчиков. Травы кое-где уже вымахали по пояс, их серебристую поверхность колышет легкий ветерок. Тянет к себе земля теплой лаской. Как славно лежать на шелковистой нежной траве, закинув руки за голову, и смотреть в бездонную синеву неба. Безмятежность нарушает лишь переливчатый голос жаворонка. Но вот песня внезапно обрывается, и ее невидимый след тянет душу вдаль, словно на поиски продолжения...

Такие минуты были самыми любимыми в жизни Всеславны. Дом не притягивал ее – напротив, напоминал о тяжелых днях, свидетелем которых он был. Брат единственный связывал ее с этим миром. Но девушка чувствовала, что не может он пока пустить ее в свое сердце. И ждала терпеливо, надеясь услышать однажды: «Сестра...» Такие уединения на природе придавали ей сил, успокаивали душу. Всеславна любила их и берегла от постороннего глаза. Но не укрылось уединение княжны от глаза черного, недоброго...

...Князь Всеволод внимательно слушал тиуна.

– Одна? – голос его холоден.

– Да, князь, одна, – приглушенным голосом отвечал слуга.

– Далеко отсюда?

– Верст двадцать будет.

– Проводишь меня, – мысли князя уже скачут вдаль.

Всеславна была крайне удивлена этой встрече. Ей не хотелось видеть Всеволода, и на то были причины. Первое время после знакомства он попал в число тех немногих, кто хоть как-то скрашивал ее тяжкие дни, унылой цепочкой потянувшиеся по козельской земле. Девушка не признавалась себе, но князь стал ей небезразличен. Трудно сказать, как развивались бы дальше их отношения, если бы не одно событие, оттолкнувшее ее от Всеволода.

Вскоре после того как князь вторично обосновался в городе, он вызвал из Чернигова своих людей. Малуша близко сошлась с одной из его новых служанок Деборой, тоже чужой в этом городе. Девушки поверяли друг другу сердечные тайны, мечтали о том времени, когда их хозяева соединятся. Однажды Дебора прибежала к Малуше вся в слезах, и, упав перед ней на колени, стала умолять подругу спасти жизнь братишки. Заливаясь слезами, девушка поведала о случившемся. Брат был еще мал, но князь, чтобы даром не ел хлеб, заставил мальчика пасти скотину. Однажды волчья стая, напав на стадо, отбила жеребенка. Несмотря на отчаянные попытки, пастушку не удалось его спасти. Узнав о гибели жеребенка, князь рассвирепел и приказал сечь мальчика до смерти.

Услышав о жестоком решении, сердобольная княжна приняла в заступничестве самое горячее участие. Она хотела тотчас бежать к Всеволоду, но увидела подъезжающего князя в окно. Обрадовавшись, девушка поспешила ему навстречу.

– Что случилось, княжна? – встревоженно спросил Всеволод.

– Только ты можешь успокоить мою душу!

– Буду счастлив услужить тебе!

– Князь, помилуй того мальчика... он ведь старался спасти жеребенка!

Князь сразу преобразился, выражение лица стало жестоким. Неприязненно взглянув на Всеславну, он сказал:

– Понимаю, княжна, твое девичье сердце. Оно и должно быть мягким. Но я хозяин, и мой холоп будет наказан.

Понимая, что ей отказано в просьбе, девушка сделала еще одну попытку:

– Но это бесчеловечно! Как можно менять жизнь человека на какого-то жеребенка? Я подарю тебе любого! – голос ее дрожал от негодования.

– Не девичьего это ума дело! – отрезал князь. – Я волен распоряжаться своими людьми по своему разумению.

– Ты не человек! – Всеславна в гневе отвернулась и пошла к себе.

Малуша и Дебора встретили ее горячими слезами. Они слышали весь разговор.

– Успокойся, Дебора, не надо так убиваться, – твердо сказала княжна. – Я пойду сейчас к брату. Князь поможет.

Рассказ Всеславны взволновал Василия. При сестре он всегда старался казаться старше своих лет, но наворачнувшиеся на глаза слезы сделали его похожим на мальчика. Он растерялся и явно не знал, что предпринять. Обняв его, Всеславна разрыдалась.

Все, наверное, закончилось бы трагически, если бы не воевода, случайно оказавшийся на княжеском дворе. Услышав за окном плач, он бросился в хоромы. Всеславна и Василий сбивчиво, сквозь слезы, рассказали ему о случившемся.

– Успокойтесь, что-нибудь придумаю, – коротко сказал воевода и пошел к выходу.

Всеволод с жадной ненасытностью смотрел, как здоровый холоп сечет мальчика. Пастушок распластался на полу посреди пустой конюшни. Кто-то из сострадания бросил ему охапку соломы, на которую теперь капала кровь из многочисленных ран. Его худенькое тельце дергалось каждый раз, когда кнут со свистом рассекал воздух. Мальчик уже не плакал, а тяжело, с перерывами, стонал.

Увлечшись процессом, князь не заметил, как в конюшню вошли. Тяжелая рука легла ему на плечо. Из-под косматых бровей укоризненно смотрели строгие глаза.

– Воевода?! – воскликнул Всеволод, безуспешно пытаясь сбросить его руку.

Холоп, услышав возглас князя, застыл с поднятой рукой.

– У нас своих не убивают, – Сеча убрал руку.

Всеволод постарался переместиться как можно дальше от непрошеного гостя.

– Ты не смеешь тут командовать, – взвизгнул он с безопасного расстояния, затем обрушился на холопа:

– Чего стоишь?

Тот взмахнул было рукой, но опустить не успел: воевода вырвал кнут и так огрел им слугу, что тот, заскулив, бросился в темный угол. Всеволод схватился за рукоять меча. Воевода стоял спокойно. В конюшне внезапно потемнело – весь дверной проем загрозила могучая фигура. Вошедший оказался богатырем с копной вьющихся светлых волос и добродушным доверчивым взглядом.

– Добрыня, забери мальчонку, – распорядился воевода и, не оглядываясь, вышел...

С тех пор на все предложения князя Всеволода встретиться девушка отвечала решительным отказом. Двери закрывались перед ним вежливо, но надежно. И Всеславне, к ее радости, стало казаться, что князь, оскорбленный отпором, оставил попытки к сближению. Но ее надеждам не суждено было сбыться...

– Вот так встреча! – донесся сверху знакомый голос.

Всеславна открыла глаза и увидела князя, гарцующего на вороном жеребце.

– Какими судьбами... – холодно ответила она, молча ругая себя, что вовремя не заметила его приближения.

– Будет тебе сердиться, княжна! Из-за чего сыр-бор? Из-за холопа? Да коли их не пороть, они ничего делать не будут, – он собрался спешиться.

– Нет, князь, – остановила его княжна. – Прошу, оставьте меня! Иначе... – она угрожающе положила изящную ручку на рукоять меча.

Видя, что она непреклонна, Всеволод в сердцах стегнул коня и исчез.

– Что так быстро, князь? – из-за кустов у дороги выросла фигура тиуна.

– У, сука! – князь грязно выругался. – Дрянной холоп ей дороже, чем мое расположение! Ну, гляди, поплачешь у меня!..

– Что собираешься делать?

– Еще не знаю. Это ты думай.

Прошло несколько дней. Однажды под вечер, когда Всеволод любовался, как конюшие выгуливают лошадей, к нему неслышно подкрался тиун.

– Князь! – позвал он, просунув худое лисье лицо сквозь ограду. – Прослушал я, что князь Василий замышляет пир...

– Ну и что?

– А то, князь, – тиун по привычке оглянулся, – прикажи, чтобы княжну напоили, – и она твоя!

– Так, так! – на лице князя заиграла улыбка. – Ух, и бестия же ты! – он шутливо погрозил пальцем.

Хороши княжеские пиры! Чего только не увидишь на широченных столах! Одной только дичи не перечешь! Тут тебе и гусь, и утка, и целое блюдо куликов. В центре красуется глухарь с лосиную голову. Вот темное дымящееся мясо кабанов, рядом медвежатина, тут, посветлее, лосятина. Дурманящий дух идет от запеченного барана. Огромный, как колесо телеги, византийский серебряный поднос с затейливой росписью полон огурцов, моченых яблок, луку. Отдельно – соленые кочаны капусты. Рыба – от пескаря до бескостной стерляди. Питье льется рекой. Меды разные, на травах настоянные, с клюквой наведенные. Холопы с ног сбиваются, чтобы угодить князю и гостям дорогим – боярам да дружинникам.

Давно в козельских теремах не звенели кубки серебряные, давно не спевали песен да не тешили душу музыканты. Рядом с воеводой сидят князь Василий и Всеславна. Радостно гудит гридница. Уже на нетвердых ногах подходит, слащаво улыбаясь, боярин Авдей. Лицо красное, с лысины струится пот.

– Не побрезгуй, красавица наша! – и подает ей полный кубок заморского вина. Гости смотрят, глаз не спускают. Встала Всеславна, приняла кубок с поклоном, обратилась к дружине:

– Отваги всем желаю, коль за Русь вступиться придется; пусть души ваши будут чисты, а помыслы светлы, оружие остро, рука тверда, а глаз точен! – Княжна пригубила питье и поставила чашу на стол.

– Нет, нет! Други! Не наших, не русских кровей княжна! Не держит русского обычая!

Стол согласно зашумел. Девушке опять подали вино.

– Не обижай, княжна! Эй, други! За княжну! – боярин Долгий схватил первый попавшийся кубок и начал пить, не сводя с нее глаз. Вино текло по его жирным щекам. Всеславна пила маленькими глотками. Дождавшись, пока все отвлекутся, плеснула из чаши под стол и громко стукнула пустым кубком.

– Вот так! Это по-нашему! – загудели довольные голоса.

Вслед за Долгим к княжне подходило еще несколько человек. Все требовали одного: выпить. Под разными предложениями девушке удавалось избавиться от их назойливого приставания. Гости, часто провозглашавшие тосты, быстро пьянели.

Когда стол загудел откровенным пьяным содомом, Всеславна потихоньку удалилась к себе. Но не успела она закрыть дверь, как ее с силой дернули. На пороге стоял князь Всеволод. По-пьяному глупо улыбаясь, он пошел на обомлевшую княжну, широко расставив руки. Не успела девушка опомниться, как оказалась в его объятиях. Князь попытался повалить

ее на кровать. Всеславна впиалась зубами в его плечо. Вскрикнув от боли, князь выпустил жертву. Княжна бросилась к сундуку и, схватив меч, плашмя обрушила его на голову обидчика. Тот взвыл и вновь попытался напасть. Но, увидев угрожающе сверкнувшее лезвие, испуганно попятился назад и ретировался за дверь. Всеславна ничего не стала рассказывать о случившемся даже Малуше, но больше ее от себя не отпустила.

Пока в Козельске происходили эти события, в Чернигове с нетерпением ждали вестей. Наконец, они дошли.

Старенький высохший монах, стоя у окна, читал письмо княгине по складам, непрерывно шевеля губами.

– «До-ро-гая сес-тра, я не на-хо-жу вза-им-ности, серд-це мое бо-лит. Я все сде-лал, что ты го-во-ри-ла, но бес-по-лез-но. На-до де-нег».

– Ишь, мало ему, – перебила княжна. – Читай дальше.

– «Хо-чу про-сить ха-на...» – послушно продолжил монах.

Выслушав послание до конца, княгиня задумалась.

– Что ж, решил он правильно. Денег придется дать, – заключила наконец она.

Вскоре одинокий всадник, провожаемый удивленными взглядами черниговской стражи, нещадно нахлестывая коня, поскакал на восток.

Козельск проснулся рано, с рассветом. Охрана, с высоты крепостных стен убедившись, что городу ничего не угрожает, подала сигнал, ворота медленно распахнулись, и началась обычная жизнь: кто-то спешил выехать из города, кто-то гнал на пастбище скот, кто-то въезжал в город.

Стража обратила внимание на одинокого путника: его усталый, измученный конь еле брел, сам всадник почти клевал носом. Сразу видно, прибыл издалека. Пока рядили, окликнуть или нет, незнакомец миновал ворота и растворился в толпе.

– А, пусть едет, – махнул рукой один из стражников и стал наблюдать, как баба тянет упирающуюся нетель. Животное мотало головой, брыкалось задними ногами и никак не хотело выходить за ворота.

– Сильней, сильней тяни, – хохотали стражники, поудобнее усаживаясь на сходнях.

Тем временем у ворот князева двора раздался конский топот. Кто-то постучал негромко, но настойчиво. Спешившегося всадника отвели прямо в хоромы Всеволода.

– Ну, привез?

– Привез, – гонец устало достал из рукава свернутую в трубку бумагу.

Князь, не разворачивая, швырнул ее на стол.

– Деньги, деньги привез? – почти завизжал он.

Гонец полез за пазуху и достал небольшой, туго набитый мешочек, подал князю. Тот прикинул на руке богатство, развязал и заглянул внутрь.

– Пойдет, – довольно пробурчал он. – Теперь можно и за дело. – Князь кликнул тиуна. – Готов гонца к Котяну, да чтоб толковый был!

Гонец вернулся через несколько дней, под вечер. Тиун провел его в княжеские покои, тихонько поскребся у двери и, услышав приглашающий голос Всеволода, провел путника в комнаты. Тот, стянув с головы маску, надвинутую почти до самых глаз, поклонился:

– Все исполнил, княже, как ты приказал. – И выпрямился, теребя свой малахай.

– Никто тебя не видел? – испытующе поглядел на него Всеволод.

– Упаси Бог... немного не рассчитал, пораньше прибыл. Пришлось в ивняке комаров кормить. Люди повалили в город, и я с ними... – без запинки ответил человек.

Всеволод понял, что тот говорит правду.

– Рассказывай, как съездил, – указал он гонцу на стоявшую рядом скамью. – Хана застал?

Человек осторожно присел и начал рассказ:

– Котян уехал в Сурож, там ожидается большая торговля. Сказывают, понаехало много разных заморских гостей...

– С кем же довелось видеться? – перебил князь.

– Старший сын Котяна принял. Он княжну знает. Видел ее в Киеве. Князь! Как загорелись его глаза, когда я стал о ней рассказывать!..

Эти слова явно пришлись князю не по душе. Он нахмурился, сник, но быстро взял себя в руки. Гонец тем временем продолжал:

– Обещал помочь. Сказывал, что князю понадобятся воины, пусть даст знать.

Человек покопался за пазухой, извлек оттуда кожаную суму и протянул князю:

– Прими ханский подарок...

Всеволод развязал шнурок и высыпал содержимое на стол. Засверкали аквамарины цвета морской волны, вспыхнул, словно раскаленный уголек, красный алабандин⁴. Немного помолчав, Всеволод кивнул, показывая, что встреча окончена.

Оставшись вдвоем с тиуном, князь радостно заулыбался.

– Узнает красавица, где раки зимуют. Спесь-то посбивается... А этот хорош! Ишь, обзирился... Образина узкоглазая!

– А вдруг не получим ее назад? – осторожно спросил тиун.

Князь растерянно молчал. Такой оборот дела не входил в его планы.

– Не получим? Ну что ж, – он погладил голову, – пусть знает, гадина, как против моей воли идти. Вишь ты, холопа не пожалел – и не мил стал. И братец у ней тоже хорош. Намекнул я ему давесь, а он мне: «Не по своей воле хуже неволи», – передразнил он Василия.

– Что с ним? То вроде сестру и не замечал вовсе, а сейчас поди ж ты... – тиун пожал плечами.

– И его придет черед! Место-то он точно указал? – князь подошел к столу.

– Точно, князь, – тиун тенью двинулся за Всеволодом. – Старый дуб с отломанной верхушкой на берегу. От него прямо вверх мимо леса за четвертым холмом.

– Надо правее леса, – поправил князь. – Да у того поспрошай, так ли он говорил. – Он отпил из кружки и облизал губы. – Когда гостей ждать будем?

– Считай, дней через пять пожалуют.

– Погода бы не подвела. Если замысел удастся, кого воевода в погоню пошлет?

– Сам он староват. Аскольда, сына своего, послать может. Уж кто-кто, а этот расстарается.

– Пожалуй, ты прав. Надо его в этот день заманить куда-нибудь...

– А что думать, – тиун нагнулся, задрал подол рубахи и высморкался. – Надо пригласить его на охоту. Места ему известны. А мы люди пришлые...

– Только бы погода не подвела, – повторил князь.

Погода не подвела. Все эти дни солнце испускало живительные лучи. Даже ветер куда-то исчез. Ни один листочек не шевелился на деревьях. Казалось, жизнь остановилась.

Княжна с утра была весела. Трудно сказать, что больше радовало ее – то ли что Василий стал тянуться к ней, то ли стоявшая на дворе чудесная погода, то ли просто пела сама молодая душа. На сердце было легко и радостно, и радость ее передавалась людям.

Старая аска⁵ Анна принесла ароматный, только что испеченный пышный каравай, поставила перед девушкой горнец⁶ свежего молока и деревянное блюдо с золотистым пахучим медом. Заглянула Малуша.

– Вели выводить Сокола, – весело попросила княжна.

⁴ Алабандин – разновидность полудрагоценного камня.

⁵ Аска – служанка.

⁶ Горнец – горшок.

– Ой, Всеславна, боюсь я тебя отпускать. Ты все одна да одна. Неровен час... – выражение девичьего лица стало горестным.

– Да кого мне здесь бояться? Время сейчас тихое. Да и постоять за себя смогу, ты знаешь.

– Ой, княжна, страшно мне! – Малуша покачала головой. – Пойду к князю Василию, пусть дружинников даст. – Она взялась за ручку двери.

– Не смей, Малуша, брата тревожить! – остановил ее требовательный голос хозяйки. Потом голос ее изменился. – Ты ведь знаешь, как я люблю быть одна. А тут будут мужики маячить, глаз не сводить. Душе не отдохнуть...

Но служанка уперлась.

– Нет, что хочешь со мной делай. Боюсь! – она умоляюще посмотрела на княжну.

– Малуша, последний разок! Обещаю, одна больше не поеду!

– Хорошо, так и быть...

Когда Всеславна появилась на крыльце, конюший Ириной уже держал Сокола за узду. Конь встряхивал головой и нетерпеливо бил копытом.

– Заждался тебя, княжна, – ласково заговорил Ириной, – ишь, как на волю просится. Приучила ты его, красавица, к воле. Но нельзя одной так далеко от людей хорониться, – в его голосе появились нотки строгости, – всяких злодеев в мире полно. А ты хоть и княжна, а девка. Всяк на тебя позариться может. Возьми меня, старого, с собой. Жизни за тебя не пожалею!

– И ты туда же, Ириной! – воскликнула Всеславна. – Заладили сегодня одно и то же, как сговорились, накаркаете всякой напасти, словно вороны, – девушка обидчиво надула губы.

– Славушка ты моя, поглядь на себя! – начал оправдываться Ириной. – Да за тобой... Да что говорить! – конюший махнул рукой. – Берегись, девка... Стой, чего ты! – крикнул он на коня, заплывавшего на месте. – Ну, садись.

Всеславна положила на крыльцо принесенный с собой колчан, туго набитый стрелами, лук, поправила широкий ремень, бисер которого прямо горел в солнечном свете, а особенно ярко сверкала бирюза на пряжке, перекликаясь с бездонной синевою ее прекрасных глаз. Проверила в ножнах меч, подарок князя киевского, специально для нее заказанный заморским купцом. Далекое дамасские кузнецы сделали его легким, под женскую руку, и острым – так что рассекал в полете шелковую ткань. Сам клинок отличался сложностью муарово-волнистого узора на темном фоне. Рукоять, отделанная дорогими камнями, являла собой песнь в металле – так изящно были отлиты головы сказочных животных, служивших защитой для руки.

Девушка легко, словно серна, взметнулась в седло. Конь заплясал под ней, готовый сорваться. Натянув узду, она осадил его, Ириной подал оружие. По-мальчишески озорно крутанула над головой уздечкой, и Сокол стремительно и грациозно понес свою наездницу.

Город остался позади, дорога ушла вправо. Конь словно летел. Вот наконец любимое место Всеславны. Как сказочно изменилось оно за одну ночь! Земля горела сплошным бездымным костром. Страшно было ступить на нее – казалось, обожжет огнем, и запылаешь ярким факелом. И некуда двигаться дальше – огонь, как река в разлив, заполнил все пространство.

Долго еще любовалась бы девушка открывшейся перед ней картиной, если бы Сокол жалобным ржанием не напомнил о своем существовании. Соскочив с коня, княжна принялась собирать буйствующее пламя, пока не набрала целую охапку. Она зарылась в нее лицом, а потом, разбрасывая капли огня, радостно закружилась на месте, пока без сил не упала на землю. Затаив дыхание, она прислушалась. Кричали, будто призывая ко сну, короткохвостые перепела. Несогласный кузнечик трещал что было мочи, перелетая с места на место. Где-то вдали крикала утка. Над горизонтом появилась темная точка. Она быстро приближалась, превращаясь в царя голубых просторов. Огромный орел, распластав крылья, величаво парил, осматривая владения. Так же спокойно, как и появился, он исчез за горизонтом. И тотчас рядом кто-то быстро и громко забил крыльями, радуясь избавлению от опасности. Дунул ветерок. Зашелестела трава. Еще громче затрещал потревоженный кузнечик. Нарвав цветов, Всеславна

сплела яркий тяжелый венок. Надев его, поднялась с земли и закружилась в диком, невысказанном танце, пока длинная трава, спутав девушке ноги, не свалила ее на землю. Всеславна засмеялась, всем телом прижимаясь к теплой, наполненной радостью земле.

Так, не шевелясь, она лежала, наслаждаясь голубизной безоблачного неба, ароматом трав. Но это чудесное мгновение прервал неведомо откуда пришедший звук. Княжна припала ухом к земле, как учил ее когда-то дядя, и услышала конский топот. Вскочив на ноги, она увидела, как несется ее Сокол, а за ним скачет небольшой отряд. На душе похолодело.

– Сокол! – что было сил закричала Всеславна.

Конь, радостно заржав, устремился на голос хозяйки. Подхватив меч, на ходу метнулась в седло. Понятливое животное без понуканий помчалось вперед. Княжна оглянулась и, к ужасу своему, обнаружила, что преследователи уже близко и расстояние медленно, но верно сокращается. Здоровенный половец скакал почти рядом, глаза его горели алчным огнем, в руках он держал, готовясь к броску, аркан.

Княжна выдернула из-за спины лук, выхватила из колчана стрелу и, резко обернувшись, спустила тетиву. Стрела, сверкнув, ударила преследователя в грудь. Половец, неловко взмахнув руками, рухнул под копыта коня. Это чуть охладило пыл преследователей. Всеславна уже торжествовала победу, как вдруг увидела, что от леса наперерез ей скачет другой отряд. Она повернула коня влево, но и там с холма спускались всадники. Ужас обуял княжну.

– Спасите!!.. – понеслось над полями, словно застывшими от ужаса приближающейся драмы.

Накануне этого события, сытно отрыгнув после ужина, князь Всеволод задержал тиуна.

– Не сорвется?

– Не думаю, – тиун переминался с ноги на ногу.

– Смотри у меня! – князь погрозил пальцем. – А воевода, ответь мне, еще долго будет носить ноги?

Услышав эти слова, тиун испуганно посмотрел на дверь. Князь засмеялся:

– Здорово же ты его боишься, если даже в моем доме так себя ведешь.

– Это не человек, а черт, – сказал тиун, втянув голову в плечи. – Он будто видит людей насквозь. Мне с ним даже встречаться страшно. А люди в городе настолько его уважают, что боязно кому-либо говорить. Посылал я было своего, да... пустое дело. Надо ждать, князь. Вот сына его привлечь бы на нашу сторону. А за ним, глядишь, и отец потянется. Один он у него, как-никак.

Князь поднялся, медленно обошел стол, поглядел в окно.

– Да-а... – протянул он задумчиво. – Думаю, ты прав. Давай сделаем его сыну дорогой подарок.

– Точно! – лицо тиуна светилось торжеством. – Подари ему кречета!

– Кречета? Ты в своем уме? Кречета – и кому? Сыну какого-то воеводишки... – Князь в гневе забегал по комнате. – У меня их два. И оба «красные». Уж не прикажешь ли мне отдать одного из них? – он остановился напротив слуги, пылая гневом.

– Князь, – начал тиун тихим вкрадчивым голосом, – завтра же надо пригласить Аскольда на охоту, ибо гости к нам должны пожаловать...

– Какие гости?

– Да те, которые тебе недавно акморина отвалили.

– Акварина, балда! – Князь замолчал. Лицо его осветилось злорадством. – Пусть помучается, пусть!.. Будет знать, как по голове... – Он осекся и посмотрел на тиуна. Тот стоял с безразличным выражением лица, словно ничего не понимая. – То есть будет знать, как голову не слушать, – закончил князь.

Слуга дернул щекой и произнес:

– Перед охотой сам и подаришь Аскольду кречета. А если все удастся, как мы и задумали, птичка к нам еще вернется.

Ночь пролетела быстро. С самого утра князь людшки забегали, готовясь ехать с хозяином на соколиную охоту.

Несмотря на утренний час, Аскольда дома не оказалось. Стоя на безлюдном дворе, тиун вертел головой.

– Эй, Славуч! – крикнул он, завидев, как двор, прихрамывая, пересекает какой-то человек. – Князь мой приказал найти Аскольда, а его дома нет. Не подскажешь, где он?

– Поищи у кузнеца, – ответил тот, подумав. – Он там часто бывает, у друга своего, – и заковылял дальше.

Славуч сказал правду. Многие знали, какая крепкая дружба связывает этих разных людей. А началась она довольно странно несколько лет назад.

Однажды, в один из жарких июльских дней, отец послал Аскольда проверить поставленные с вечера сети. Знал воевода один омуток, стерлядка там водилась добрая. Туда-то и примчался Аскольд на коне. Сбросил легкую одежду и хотел было броситься в воду, да заметил на берегу чужого человека. Остановился, настороженно глядя на незнакомца. Тот спокойно чистил рыбу. Поплавки сети трепетали на поверхности воды. Но с берега к реке тянулся еще не просохший след. «Проверил», – догадался Аскольд.

– Зачем не свои сети трогал? – со злостью спросил юноша, жалея, что не взял оружие.

Человек оторвался от работы. Спокойно воткнул длинный нож в пенек и поднялся. Был он выше среднего роста, суховат. Голову украшала копна черных вьющихся волос, из-под которых сверкали такие же черные глаза. Орлиный нос придавал лицу грозное выражение. Но стоило ему улыбнуться, как сразу стало ясно, что душа этого человека открыта для добрых дел.

– Там всем хватит, – махнул чернявый рукой по направлению к реке. – Я взял несколько штук. Второй день крошки во рту не было. Извини, если что, хозяин. Если против, могу вернуть. И за работу ничего не возьму, – он снова улыбнулся.

– Да чего там... – Услышав такие слова, Аскольд подобрел. – Надо – бери еще.

Раздевшись, юноша скользнул в воду. Она приятно обожгла прохладой. Подплыв к сети, Аскольд отвязал от куста дальний конец и потянул ее к берегу. Проплыв немного, почувствовал: что-то держит сеть. Дернул, та не поддавалась. «Видать, зацепилась», – подумал он, и бросив веревку, нырнул глубже. Бредя по дну в поисках зацепившегося места, он вдруг почувствовал, что ноги в чем-то запутались. Аскольд попытался вырваться, но безуспешно. Воздух кончался, а петля с каждым рывком затягивалась еще туже. Сознание покинуло его...

Когда Аскольд открыл глаза, незнакомец стоял перед кустом и развешивал свою одежду. С прилизанных волос стекала вода.

– Ну что, отошел? – весело спросил он, почувствовав на себе взгляд. – В следующий раз нырять будешь – осторожнее. Ногой в сеть попал. Пришлось ее резать. Отец, наверное, ругать будет. Улов-то богат, ничего не скажешь! – Чернявый кивнул на сеть, белую от набившейся в нее рыбы.

Воевода, узнав о случившемся, тотчас велел Аскольду привести спасителя. Сыроватая одежда плотно облегалась тело незнакомца, при каждом движении было видно, как под ней играют мускулы.

– Проси что хошь, – сказал воевода. – Все отдам.

Человек усмехнулся.

– Ничего мне не нужно. За доброе дело меня Господь отблагодарит. Да и сам я виноват. Торопился, видать, вот и запутал ее, проклятую. За сеть, что порвал, прости, хозяин, – он склонил голову.

– Пустое. Далеко ли путь держишь? Може, коня надо – скажи, – воевода не сводил с чернявого глаз.

– Не надо. А путь мой я и сам не знаю какой.

Сеча оживился:

– Что натворил? От кого бежишь? Говори смело, в обиду тебя не дам. Вот крест, – он перекрестился.

Незнакомец покачал головой.

– Я и без креста вижу, что справедливый ты человек. Зря не обидишь. А бегу я от своего князя. Попытался он меня, вольную птицу, сделать своим холопом. Умелец я, кузнец. Вот и захотел он, чтобы я только на него работал. Ушел я. Бреду теперь по белу свету, долю лучшую ищу. Да вижу, везде одинаково. Многие норовят зауздать, воли лишить. Князья нынче пошли алчные, только о себе и думают.

Воевода испытующе посмотрел на кузнеца. Тот не отвел взгляда. «Честен», – решил про себя воевода и спросил:

– Звать-то тебя как?

– Еловат.

– Тут ты, Еловат, прав. А кузнец нам надобен, оставайся. Не понравится – воля твоя, держать не будем. А сейчас – к обеду. Отведай, что Бог послал.

Воевода не мог не заметить, что голод терзал незнакомца крепко. Но ел он без жадности, спокойно, только немного торопливо глотал куски.

Кузню Еловат хотел ставить на берегу Жиздры, да Сеча не разрешил.

– А ну враг подойдет? Как быть? Ты Козельск не знаешь. Наш город на всех ветрах. Ставь кузню в детинце.

Строить помогал и Аскольд, днями не отходил от своего спасителя. Вскоре благодаря общим усилиям задымила кузня. И потянулся туда разный люд. Первым на огонек пришел воевода, застав там своего сына. Аскольд неотрывно смотрел, как полоса железа преображалась на глазах в великолепный меч. Когда Еловат сунул его в топленое сало, запахло жареным. Не удержался воевода – схватил его в руки, жадными глазами стал рассматривать еще теплое оружие. Кузнец взял воеводин заморский меч, поставил его острием на наковальню и, размахнувшись, изо всех сил ударил по нему своим. Потом поднес оба воеводе. На мече кузнеца зазубрины не было. Сеча только крякнул.

Но не только мечи умел делать кузнец. Лил он и бусы для местных красавиц. Ох и падки они были до этих блестящих вещиц! Сколько раз мужики по ночам собирались намять кузнецу бока, да не выходило. Ловок был, бестия. И силен. Правда, наутро мужики, как ни в чем не бывало приходили в кузню делать заказы. Кому удила ковать, кому ножи, плуги, кольчуги, мечи, топоры. Просили и замки разные делать. Все нужно было в хозяйстве. Люди радовались, что появился такой умелец. Все делал он с любовью.

Вот к этому-то другу Аскольда и направился княжеский посланник. Войдя в кузницу, тиун закашлялся от едкого дыма. Кузнец, стоя к нему боком, держал в одной руке клещи с длинными рукоятками, а в другой – небольшую кувалдочку, которой бил маленький кусок раскаленного железа. Рядом, не отрывая глаз от волшебного зрелища, стоял Аскольд.

– Дорого достается каждая стрела, – прокричал Еловату в ухо Аскольд.

Увидев тиуна, кузнец остановился, отер тыльной стороной ладони вспотевший лоб.

– Зачем пожаловал, высокий гость? – он с интересом поглядел на вошедшего.

– Князь просит Аскольда к себе.

– Зачем я понадобился князю в такую рань? – спросил Аскольд, переглянувшись с кузнецом.

– Не сказал. Просил передать, что очень хочет тебя видеть.

– Давай, Аскольд, – подмигнул ему Еловат. – Мы душой Божьи, а телом княжьи. Приходи, буду рад.

Аскольд застал Всеволода во дворе. Он восседал на своем жеребце. Одет был по-походному, в серый кафтан. Позади толпились люди с нехитрыми охотничьими снастями в руках – луками, колчанами со стрелами, пиками. Вокруг крутились собаки. Подойдя к князю, юноша склонил голову:

– Слушаю, князь, – безразличным голосом сказал он.

Это не смутило Всеволода.

– Вот, хочу пригласить тебя на охоту. Места здешние я знаю плохо. Сколько раз ездил, а по-настоящему охотиться не довелось. Чуть не с пустыми руками возвращаемся. Если не откажешь, буду рад. – Князь выжидательно посмотрел на юношу.

– Показать места можно, – к радости Всеволода, сразу согласился юноша.

– А есть ли где с кречетом побаловаться? Бывал ты на таких охотах?

– Как не бывать, – не задумываясь, ответил Аскольд. – Сколько раз с князем ездили.

Всеволод улыбнулся: все шло как по маслу.

– Вот и хорошо. Покажешь, где эти места. А за труды хочу тебя отблагодарить, сделать подарок. Воин, знаю, растешь ты добрый. Да и отец для нашего княжеского рода старается. Правда, в последнее время избегает меня, но это его воля. А моя воля – подарить тебе молодого кречета. Будь же добрым охотником.

Аскольд с удивлением глянул на князя. После некоторого замешательства ответил:

– Подарки глаза запорашивают.

– Дерзок, отрок! – Князь повысил голос. – От подарка княжеского грех отказываться.

Юноша смутился. Приняв смущение за согласие, Всеволод продолжал:

– Так вот, на охоте подарок и опробуем!

– Пеший конному... – неопределенно начал Аскольд, пожав плечами. Но князь не дал ему договорить.

– Коня воеводиному сыну!

– Князь, я на чужих не езжу.

– Хорошо, – не стал перечить тот, – бери своего коня и догоняй нас. Встретимся у трех дубов.

Князь кивнул своим людям, и все тронулись в путь. Какое-то время Аскольд стоял в задумчивости. Он знал, что после освобождения из плена отец очень неприязненно относился к Всеволоду. Но и занять собственного кречета было здорово... «Посоветуюсь с отцом», – решил он.

Нашел его в опочивальне, тот обсуждал что-то с Акимом. Увидев сына, воевода вопросительно поднял брови. Аскольд коротко поведал о предложении Всеволода. Отец молча выслушал, подумал и, вздохнув, вымолвил:

– Там, где лиса пройдет, от курей яиц не жди. Берегись его. Но делать нечего – как никак князь. Поезжай, только смотри в оба. Может, за старые грехи откупиться хочет, а может, что и задумал. Своих предупреди.

Друзей у Аскольда было много. Они составляли костяк младшей дружины. Юношам уже не раз приходилось встречаться с врагами. Прыгая через ступени, Аскольд стрелой выскочил во двор. Двое мальчишек яростно бились на деревянных мечях.

– Юшка, – позвал Аскольд. – Ребят моих покличь.

– А на коне прокатишь?

– Прокачу, – на ходу бросил юноша. Юшка помчался выполнять поручение.

Пока Аскольд готовил коня, двор заполнился его сверстниками.

– Князь Всеволод на охоту позвал, – объяснил он. – Кто со мной?

Все дружно побежали седлать коней.

Князя отыскивали быстро. Оглядев многочисленное Аскольдово сопровождение, он подо-звал сокольничего. На его приподнятой и полусогнутой руке, пониже локтя, сидел кречет – крупная, белая с серыми отметинами птица. Он вцепился в кожаный нарукавник, изредка поводя длинным хвостом. На голове у него был надет колпак, из-под которого торчал острый крючковатый клюв.

Осторожно сжав крылья, князь снял кречета. Тот попытался высвободиться и угрожающе выпустил когти. Сокльничий надел Аскольду нарукавник. На руке юноши затрепетала птица.

– Знаешь, как обучают этих птиц? – спросил князь, трогая коня.

Юноша мотнул головой и покраснел.

– Это трудная, долгая работа. Уряжают место, где стены гладкие, а на полу вода, и птица не может нигде сесть. Вот она и приучается сидеть на руке сокольничего. А кормят, только когда принесет добычу.

Юноше явно нравился подарок. Он глаз не сводил с кречета.

– Пускать ее надо, – продолжал князь, – когда увидишь птицу в небе. Снимешь колпак, она и полетит.

На пути встретилось заросшее ивняком да корявыми березами болотце. Сквозь ветви тускло поблескивала зацветающая вода. Пришлось объехать. Не успел отряд миновать болото, как вдруг какая-то птица, спугнутая лошадиным топотом, стала набирать высоту.

– Селезень, пускай! – азартно крикнул князь.

Юноша замешкался, неумело стягивая колпак. Получив свободу, кречет, к удивлению юноши, не взлетел, а только вздыбил крылья и угрожающе защелкал клювом.

Князь прогнулся в седле и, перехватив руку Аскольда, затряс ею. Птица лениво взмахнула крыльями. Аскольд испугался, что она упадет на землю, но кречет наконец встрепенулся, взлетел и стал стремительно уходить вверх. Набрал высоту, он описал большой круг и только тогда повернул к цели. Селезень ринулся вниз и стал уходить за горизонт. Кречет рванулся за ним, начиная свой коронный заход сзади. Еще миг – и острый коготь прошьет под крылом бок своей жертвы. Аскольд, затаив дыхание, ожидал развязки.

– Смотри, смотри! – закричал князь. – Сейчас он ему задаст!

И в этот миг Аскольд услышал чей-то зов о помощи. Повернувшись, Аскольд увидел, как одинокого всадника с трех сторон окружают преследователи. Он сразу понял, что это за люди. Раздумывать было некогда.

– Половцы напали на русского, – воскликнул юноша. – Князь, на помощь!

Всеволод побледнел.

– Ты что делаешь? – он схватил за узду Аскольдова коня. – Смотри, их сколько! А мы одни. Уходим, скорей!

Не дослушав, юноша пылко воскликнул:

– Нет, князь, я лучше погибну, но не брошу единовеца в беде. Смотри, как смело он бьется!

Действительно, всадник, выхватив меч, наотмашь ударил врага, который попытался на скаку схватить за узду его коня. Половец, громко завопив, остановился, держась за раненое плечо. На смену ему подскочил второй. Его встретил такой же удар. Но силы были неравны.

Аскольд издал боевой клич, вырвал из рук Всеволода узду, и, прищпорив коня, помчался на врага.

Помощь оказалась кстати. Оторопевшие половцы, не ожидавшие нападения, осадили коней. Но бросать добычу не собирались. Здоровенный детина успел схватить всадника и попытался вырвать его из седла, отчего тот закричал – отчаянно, по-женски. Аскольд, прежде чем броситься на половца, скользнул взглядом по лицу русского и на мгновение оторопел: на него с мольбой и надеждой глянули расширенные от ужаса голубые девичьи глаза.

Воспряв духом, девушка рубилась наравне с неожиданным защитником. Но половцы все тесней сжимали кольцо. Аскольд уже внутренне прощался с жизнью, как вдруг издалека донесся раскатистый крик – на помощь шли его друзья. Почувствовав опасность, враг стал разворачивать коней. Но один из половцев, взбешенный неудачей, бросил поводья, выхватил лук и, торжествуя ухмыляясь, прицелился в княжну. Аскольд, в последний момент заметив угрозу, успел прикрыть собой отважную соплеменницу. Стрела вонзилась ему в бок. В глазах у него потемнело, земля закачалась, и юноша медленно повалился с коня. Друзья подхватили бездыханное тело и, нахлестывая коней, понеслись в город.

Сеча только что отобедал и собирался по обычаю немного вздремнуть, как вдруг в открытое окно донесся тревожный конский топот. Сердце кольнуло в предчувствии беды. Повернувшись к иконам, воевода широко перекрестился, накинул подвернувшееся корзно и в одном исподнем бросился на крыльцо.

Спешившиеся всадники уже снимали с коня чье-то тело. Одни держали его на руках, другие освобождали ногу из стремени. Отцовское сердце поняло: в дом пришла беда. Сеча упал перед сыном на колени, поднял его голову.

– Сынок, очнись! Сынок! – это был вопль убитого горем человека.

На его крики выскочил Аким. Бывалый воин сразу оценил обстановку.

– Пусти, воевода, – властно скомандовал он. Сеча отпрянул. – Перенесите его на крыльцо. Да подстелите что-нибудь.

Аким припал ухом к груди юноши и поднял вверх руку. Все замолкли.

– Жив! – сказал он радостно и принялся осматривать кровоточащую рану. Внутри на ощупь определялся осколок стрелы.

– По всему видно, рана глубокая. Это опасно. Не была бы еще стрела отравлена. – Аким задумался. – Слышь, воевода, тут не обойтись без твоей колдуньи...

Воевода уже успел совладать с собой. Лицо приняло решительное выражение.

– Да, его срочно нужно везти в Глушинный бор. Дорогу туда помнишь?

Аким утвердительно кивнул.

– Поедешь, Аким, без меня. Передашь колдунье от меня нижайший поклон, но не говори, что это мой сын. Не знаю, успокоилась ли старая. Я ей благодарен за мое спасение, но за внучку она, наверное, все еще гневается. Скажи ей, что она была мне дорогой женой. И память о ней я храню свято.

Лицо Акима просветлело.

– Да она уже, наверное, все забыла. С той поры, почитай, два десятка лет прошло. Сколько воды утекло! Что-то не слышал о ней в последнее время...

Воевода приказал трогаться, не теряя времени. Аким шел первым, поминутно оглядываясь на раненого и одновременно зорко поглядывая по сторонам. Он торопился. Надо было скорее миновать открытую местность, и вообще надо было спешить. Дорога была каждая минута.

– Слышь, Аким, – окликнули его сзади. – Кто-то скачет.

Аким оглянулся. От городских ворот скакал какой-то всадник. Аким хотел было остановиться, но, взглянув на Аскольда, решил этого не делать, и пришпорил коня.

Всадник медленно приближался. Когда расстояние между ним и отрядом значительно сократилось, он замедлил ход. Так, повиснув на хвосте, и шел за отрядом. Он был одет в легкую военную одежду и хорошо вооружен. Низко надвинутый шлем и ворот кольчуги скрывали его лицо. Аким так ни разу и не остановился, хотя непонятный всадник вызывал у него недоумение.

Когда вошли в лес, шаги незнакомца послышались ближе. «Бойтся отстать», – догадался Аким. Он тихо подозвал ближайшего дружинника и велел вести отряд в прежнем направлении. Сам притаился за густым черемуховым кустом, пропуская своих, и стал ждать, держа оружие наготове. Топот приближался. Аким уже мог разглядеть его. Оружие незнакомца покоилось

в ножнах. Едва всадник поравнялся с кустом, Аким выскочил и с криком: «Стой!» наставил меч. От неожиданности всадник ахнул, дернул головой, шлем слетел, и на плечи его упали толстые девичьи косы.

– Княжна?! – пришел черед удивляться Акиму, который узнал Всеславу. – Какими судьбами?

– Не прогоняй меня, – взмолилась девушка, прижав руки к груди. – Не прогоняй... – повторила она и опустила голову. По лицу ее струились слезы. – Это он спас меня. Я обязана ему жизнью. Ему сейчас плохо. Я буду с ним... – последние слова она произнесла и просительно, и требовательно, и решительно.

Они быстро догнали отряд. Когда все стало сливаться в сплошную черную мглу и уже трудно было различить очертания деревьев, Аким приказал остановиться. Дружинники набрали сушняка, и веселый огонек запрыгал под могучими кронами деревьев. Люди потянулись к огню. Наскоро перекусив, устроились на ночлег.

Аким поднял всех, едва начало светать. Люди, ежась, быстро оседлали лошадей и продолжили путь. Несмотря на густой туман, окутавший лес, Аким каким-то особым, собачьим, нюхом находил дорогу.

Они прибыли на место, когда солнце поднялось высоко над головами. Здесь густой лес расступался, образуя небольшую полянку. Она напоминала турецкий мохнатый ковер, главным украшением которого были разноцветные яркие цветы. Воздух был наполнен их ароматом, перемешанным с птичьим гомоном. На краю этого чуда, почти у самого леса, стояла огромная развесистая береза, в тени которой прятался небольшой деревянный домик. Был он весь перекошен и почернел от времени.

– Эй, есть кто живой? – громко позвал Аким.

Дверь дрогнула и медленно, издав жуткий скрип, поползла в сторону. В открывшемся узком просвете появилось странное человеческое существо. Тело женщины словно когда-то согнули вдвое, да так оставили. К тому же, она была необыкновенно худа. Кожа, потемневшая не то от времени, не то от солнца, казалось, была натянута прямо на кости. Острые скулы выпирали, как углы сундука. Челюсть словно только и держалась за счет морщинистой кожи, напоминавшей поверхность муравейника. Единственное, что не вязалось со всем ее древним и дряхлым обликом, – глаза. Они смотрели живо и внимательно, светясь глубоким умом и неукротимым духом.

Аким соскочил с коня и пошел навстречу. Залаяла собака.

– А ну, пшел! – зашипела старуха, махнув рукой.

Собака поджала хвост и, недоверчиво поглядывая на хозяйку и гостей, поспешила спрятаться за угол. Старуха, приложив ко лбу руку козырьком, пристально разглядывала пришедших.

– Что, узнала? – Аким остановился в нескольких шагах.

Старуха, повертев головой, проскрипела:

– Грид княжий, что ли? Как тебя... Аким? – Лицо старухи озарилось.

– Прости, мать, – Аким встал перед ней на колени, – что потревожил тебя, но беда привела нас к тебе.

– Слава Перуну! Вы все вспоминаете меня, когда приходит беда. Говори, что?

Аким поднялся.

– Воин молодой ранен. Спаси! Век тебя не забуду, – грид умоляюще посмотрел на старуху.

– Молодой, говоришь? – зачем-то переспросила она. – Стрела-то чья?

– Кипчакская, – ответил Аким, удивляясь, что старуха знает, чем ранен Аскольд.

– Ишь, ироды... Ну, несите! – приказала она.

Дружинники поставили носилки у ее ног. Она, кряхтя, нагнулась и, отбросив с лица раненого покрывало, впилась в его лицо сверлящим взглядом, тревожно закачала головой. Ей явно не понравился его землисто-серый цвет. Подняв поочередно веки, она взяла обессиленную руку и, повернув ее к свету, внимательно рассмотрела ладонь. Опять покачала головой и выпрямилась – внезапно, как-то по-молодому. Такой прыти Аким от нее не ожидал. Улала вдруг вообще вся изменилась: в облике появилась живость, движения стали суетливыми. Опустившись на одно колено, она принялась внимательно осматривать рану. След от стрелы превратился в маленькое овальное пятно с кусочком запекшейся крови. Старуха осторожно поводила вокруг него пальцем, затем слегка надавила на край. Аскольд застонал. Не говоря ни слова, старуха поднялась и ушла в дом. Вскоре из трубы повалил густой черный дым. Улалы не было долго. Аким уже начал нервничать, когда хозяйка появилась в дверях с дымящейся чашей в руках. Он подскочил и принял чашу с темной, пахнущей мякиной жидкостью из рук старухи. Она вынесла из дома нож с тонким блестящим лезвием, деревянную ложку и плотно набитый мешочек. Через руку был перекинут лоскут серой материи. Все это старуха сложила на траву возле Аскольда.

Обдув ложку, Улала зачерпнула варево и попыталась разжать Аскольду челюсти. Сил не хватило.

– Пособи, – попросила она Акима.

Вдвоем они справились быстро, влив юноше в рот несколько ложек пахучего зелья. Затем старуха взялась за рану. Еще раз тщательно ощупав кругом, она взяла нож и надрезала кожу. Обильно потекла кровь. Не обращая на это внимания, старуха погрузила в рану пальцы и ловко выдернула наконечник стрелы. Затем ребром ладони стала гладить вокруг, выгоняя кровь наружу.

Как только кровотечение уменьшилось, Улала, обтерев руки подолом, развязала мешочек и взяла из него большую щепотку зеленовато-серой толченой массы, которой обильно посыпала рану. Кряхтя, поднялась, сорвала широкий лист, положила его на рану и придерживая рукой, попросила Акима поднять юношу. Туго забинтовала рану. Аскольд тяжело застонал.

– Потерпи, милый, потерпи...

Вновь уложив раненого, старуха принесла из дома большую деревянную порожнюю чашу, поставила ее на землю и пошла за угол дома. Там на солнышке, под охраной матери, грелись несколько щенят. Завидев хозяйку, собака поднялась, услужливо виляя хвостом. Старуха выбрала самого большого и толстого щенка, взяла его за шиворот. Щенок тихонько заскулил. Собака вскочила и бросилась за детенышем, но ее остановил строгий окрик.

– Принеси колодину, – обратилась старуха к Акиму, указывая на обрубок дерева, лежавший недалеко от двери. Аким послушно выполнил приказ. Улала растянула щенка на колодине.

– А ну, руби! – повернулась она к Акиму.

Тот с недоумением посмотрел на старуху.

– Чего зенки пялишь? – набросилась она. – Руби, говорю, коли хочешь, чтобы он жив был! Отрава сидит в нем. А ты, девка, уйди, – прикрикнула она на Всеславну.

Акима больше не надо было уговаривать. Взмах меча – и лобастая голова покатила на траву. Старуха ловко подхватила тельце и наклонила его над чашей. Слив кровь, она с помощью Акима напоила его Аскольда. Отогнав Акима, некоторое время заунывно читала какие-то заклинания, потом снова напоила юношу своим зельем.

Вскоре он перестал стонать и погрузился в спокойный сон. Все облегченно вздохнули и засобирались в обратную дорогу.

– Всеславна, ты с нами? – спросил Аким, набрасывая на плечи корзно.

– Нет, пока он не встанет на ноги, я от него не отойду. – Всеславна подошла к старухе, перебиравшей травы, и спросила с надеждой: – Улала, ты позволишь мне остаться?

Та исподлобья испытующе посмотрела на девушку. Но, увидев глубокую печаль на ее лице, подобрела и изобразила что-то вроде улыбки.

– Девка ты, вижу, добрая. А помощница мне нужна, – и старуха опять уткнулась в свою работу.

– Награди тебя Бог, бабушка! Не знаю, как мне тебя благодарить, – Всеславна порывисто обняла ее за плечи.

– Благодарю своего Бога.

– Да, я буду неустанно молиться, чтобы Господь вернул Аскольду силы!

Аким, уже было собравшийся выходить, вдруг спросил:

– Улала, скажи, как он... не опасно это? Что мне отцу передать?

– Жить будет, – чуть помедлив, ответила старуха. – Это мое слово. Под сердцем он у меня лежит. Нет ничего и для меня дороже него. Так что ступай, – она махнула рукой.

Аким снова поклонился и попросил:

– Всеславну побереги, убивается девка. Это он ее спасал и рану получил.

– Бабушка доля завсегда о мужах мучиться.

– Ну, прощевай. Вертаться-то когда?

В ответ старуха три раза разжала пальцы правой руки.

Ни днем ни ночью Всеславна не оставляла Аскольда. Старалась в каждом движении юноши разгадать его желание, чтобы тотчас исполнить. Четыре раза в день Улала поила больного своим отваром, сыпала серо-зеленый порошок на ранку, и девушка всегда охотно ей помогала.

Расторопная, отзывчивая и самоотверженная Всеславна все больше нравилась старухе – она охотно делилась с добровольной помощницей множеством лесных тайн врачевания. Женщины вместе ходили в лес, где Улала чувствовала себя как дома. Она учила Всеславну находить и различать нужные травы.

– Ой, девка, не проходи мимо! – показала она на небольшой желтый цветок. – Горицвет, от душевной боли помогает. Рви у середины стебля, коренья не повреди. Перун даст, на другой год снова вырастет. А это, – она наклонилась к другому растению, с только что начавшими распускаться мелкими желтыми цветочками, – зверобой. Лечит раны, помогает внутри. Но смотри, не спутай их с этой травой, – она подошла к ярко-зеленому кустику. – Совсем схож, только листья крупнее. Его не тронь, не поможет. А вот икотная травка, – Улала сорвала стебелек, опушенный пепельно-зелеными волосками с легкими белыми цветками, – для него, – она кивнула в сторону дома, – очень полезно...

Старания лесной колдуньи и ее помощницы не проходили даром. Силы, хотя и медленно, возвращались к Аскольду. И вот настал долгожданный день, когда юноша впервые открыл глаза и увидел над собой чье-то склонившееся лицо. Оно светилось таким неподдельным счастьем, такой теплотой и мягкостью веяло от него, что у Аскольда заколотилось сердце. Он улыбнулся. Девушка, зардевшись от смущения, выглядела еще прекраснее.

– Бабушка, бабушка! – крикнула она. Старуха, возившаяся у очага, бросилась к постели. Увидев, что ничего страшного нет, заворчала:

– Напугала ты меня, девка! Чего так кричать...

– Смотри, бабушка, он улыбается, – от радости не замечая ворчания, воскликнула девушка.

– Пришел, ну и что? Теперь жив будет, – спокойно сказала старуха. – Молись, дочка, своему Богу, а я вот Перуну помолюсь.

– Всем буду молиться за то, что даровали ему жизнь!

Теперь Аскольд быстро шел на поправку. Всеславна от радости летала над землей. Оттаивало зачерствевшее от времени и невзгод сердце старухи – словно подарок Всеславны, все-

лялись в нее новые силы. Теплело у нее на душе, и она с печалью думала, что настанет скоро минута расставания.

Набираясь сил, Аскольд спал много. Всеславна любила сидеть рядом, наблюдая за его лицом. Ей все больше нравились эти черты: прямой, с чуть широкими ноздрями, нос, небольшой упрямо сжатый рот, густые брови. Один из таких идиллических моментов был внезапно нарушен яростным лаем собак, чьими-то голосами.

– Встречайте гостей! – в этом радостном оклике Всеславна узнала Акима и сердце ее больно защемило от осознания того, что время грез закончилось. Пришла пора возвращаться домой.

Глава 4

На высокой крутой излучине, где дорога тесно жметя к реке, растет могучая корявая береза. Ее изогнутый ствол покрыт темной шершавой корой, а исхлестанные ветрами ветви склонились к задумчивой тихой Жиздре. На вершине березы, обхватив руками ствол и болтая босыми ногами, примостился отрок. Он неотрывно следил за убегающей вдаль дорогой. Стреноженный конь пощипывал травку, лениво отгоняя хвостом надоевших мух. Перевалило за полдень, а дорога все еще была пуста.

Наконец вдали показались всадники. Мальчишка кубарем скатился вниз, вскочил на коня, и перепуганное животное, подгоняемое ударами пяток и нахлестываемое уздечкой, понеслось навстречу отряду.

– Воевода! Князь просит тебя срочно к нему! – торопливо выпалил мальчишка, подскочив к отряду.

Ничего не спросив, Сеча хлестнул коня и помчался в город.

По просторной гриднице нервно ходил гонец из Чернигова, то и дело посматривая в окно.

– Ну, где же воевода, князь? – в который раз обращался он к князю Василию. Тот перебирал астрагалы⁷, недавно принесенные Иринею, и в ответ лишь сопел. Козельского князя начинал раздражать нахальный боярский сынок, чувствовавший себя здесь как дома.

Наконец за окном послышался конский топот, затем лай собак. Загремели засовы, заскрипели ворота, и во двор на коне въехал воевода.

– С благополучным возвращением, – поздравил князь прибывшего. – А где Аскольд? – спросил он, поглядев на ворота.

– Я поспешил по твоему зову, князь. Отряд отстал. Что случилось?

– Великий князь просит тебя и четырехста мужей на совет.

– На совет? – воевода удивленно поднял брови. – Знаю я этот совет... Раз князь просит мужей, значит, хочет кого-то воевать. Но дать четырехста человек мы вряд ли можем. У нас самих тут неспокойно. Наши недруги того и гляди в гости пожалуют. – Сеча посмотрел на незнакомца, который с любопытством прислушивался к их разговору.

– Княжий гонец, – пояснил Василий, – боярский сын.

– Вижу. Велика честь прислать гонцом такого сына! Дела, знать, важные ожидаются, – воевода снова выразительно глянул на стройного симпатичного юношу. – Когда быть?

– Князь ждет в четверг, – ответил посланец.

– Ну что, князь, выступать надо немедля. Приказ есть приказ. Пойду, дам распоряжение. – Сеча направился было к двери, но его остановил Василий.

– Не волнуйся, я уже попросил князя Всеволода, чтобы он распорядился.

– Всеволода? – Сеча нахмурился.

– Да, все это время он часто бывал у меня. Как моя сестра? – Василий впервые вспомнил о ней.

– С ней все хорошо, скоро будет.

– Хотел я спросить, воевода... – Василий замялся. – Разное говорят...

– Говори, а гонец пусть идет отдыхать.

Дождавшись, пока черниговский посланец выйдет, воевода усмехнулся:

– Пустое, князь. Ты знаешь Аскольда. Он добрый воин и честный муж. Княжна же лишь исполнила свой долг. А кто тебе это говорит, сам и пальцем не пошевелил ради ее спасения, хотя был рядом. И как там появились неверные, надо еще разобраться. Нечистое дело... – воевода еще суровее сдвинул брови.

⁷ Астрагал – здесь: украшение в виде нитяных бус.

– Прости, не хотел тебя обидеть, – вспыхнул Василий.

Воеводе стало жаль мальчика.

– Ты молод еще, князь. Много тебе непонятно. Но запомни на всю жизнь: честного, преданного делу – береги. Прочь гони от себя языкастых лизоблюдов. Ничего, кроме беды, от них не жди. Случись что, первые тебя и предадут.

Мальчик вдруг бросился к воеводе и порывисто обнял его.

– За Аскольда не волнуйся. Я велю, чтобы за ним приглядывали.

– Князь, Аскольд окреп достаточно. Я беру его с собой. Не к лицу воину нежиться в постели, когда другие готовятся пролить кровь, – он ласково потрепал Василия по волосам. – Ну, пора мне.

Сеча ходил по двору широкими шагами, заложив руки за спину, и о чем-то сосредоточенно размышлял.

– После обеда выступаем! – объявил он подъехавшему Акиму. – Вели готовить коней. Да проверь все сам.

Воевода взглянул на стоявшего поодаль сына. Вид у того был уставший, измученный. Старуха сделала все, чтобы вернуть ему силы, но даже она не властна была восстановить их полностью за такое короткое время.

– Отец, о каком походе речь? Ты уже четверо суток в седле, пожалей себя!

– Эх, сынок, сынок... Скоро призовет к себе Господь, там и наотдыхаюсь. Чует мое сердце, опять воевать будем. Может, за Данилу, может, против. Бесятся князья наши, остановить их некому. А вражина тем временем куски от нас рвет...

Воевода очень торопился. В Брянске отряд долго не задерживался, пополнил припасы и ходом двинулся на Росусу, а потом прямо на Ропеск.

Город, завидев большой отряд, запер ворота. На стены высыпали вооруженные горожане. Узнав, кто такие, ворота все же открывать не стали, только спустили со стены овес, предварительно забрав деньги. Переночевав на берегу, отряд поднялся на ранней зорьке и снова отправился в путь. А к вечеру в лучах заходящего солнца перед их взором предстали золотистые маковки Спасо-Преображенского собора. Пятиглавый храм величественно вырисовывался на голубом небосклоне. Лучи солнца горели на нем, слепя глаза. Воевода, а за ним и весь отряд, осенив себя крестным знаменем, повернули к реке.

На исходе была среда. В город входить не стали, князь ждал их в четверг. Отыскав удобное место в излучине Десны, козельцы расположились на ночлег. Перед сном воевода загнал всех в теплую ласковую воду.

Утром отдохнувшая за ночь дружина выглядела бодро и внушительно. Довольный Сеча поскакал в город. Княжеские ворота были распахнуты настежь, и он без помех въехал во двор. Спрыгнув с коня, поправил одежду и торопливо вошел в гридницу. Там уже собрались бояре и именитые дружинники и вели оживленный разговор. Наконец появился князь Михаил. Вместе с ним вошел худощавый и стройный человек. Его гордо посаженную голову украшали выющиеся седые волосы. Аккуратно постриженная борода придавала тонким чертам строгое и щеголеватое выражение. Он был одет в синий приталенный бархатный кафтан, богато расшитый серебром.

Князь заговорил, голос его звучал хрипловато.

– Хочу представить вам, мужи мои доблестные, нашего лучшего друга князя Конрада Мазовецкого.

Незнакомец поклонился.

– Другове, – голос его прозвучал твердо, что указывало на привычку повелевать. – Судьба соединяет наши княжества: у нас появился общий враг – пруссы и литовцы. Они грабят Польшу.

Гридница зашумела. Трудно было разобрать, одобряет ли она его слова или осуждает. А тот продолжал, потрясая руками:

– Враги не дают нам покоя. Они беспощадны и кровожадны. Довели нас до того, что я вынужден отбирать лошадей, платье у своих панов знатнейших, чтобы одарить этих собак. И если вы не поможете, они захватят нас и придут к вам. Против таких врагов надо биться вместе.

Воевода слушал князя Мазовецкого внимательно, стараясь не пропустить ни одного слова. Эта простая ясная речь пришлась по душе козельскому воеводе.

– Дело говорит, – вполголоса сказал он.

Конрад уселся со спокойным выражением лица и стал ждать вердикта.

– Князь, – поднялся воевода черниговский, – как нам известно, вы приютили у себя слуг господних, отдав им земли кульмские. Так почему не помогают вам эти благородные рыцари?

Конрад, внимательно выслушав речь воеводы, ответил:

– Да, это верно. Император Фридрих Второй дал на то согласие, и Великий магистр ордена Герман фон Зальц занял эту землю. Он оказывает мне большую помощь. Но сил не хватает, и я прошу, други, – помогите! Эти варвары грозятся уничтожить нашу веру, веру Христа! – последние слова он произнес с пафосом. Глаза его блестели.

– Веру уничтожить не позволим! – раздались громкие голоса.

Князь Михаил поднятием руки успокоил не в меру разгорячившихся дружинников.

– Давайте все обсудим, – медленно сказал он. Все насторожились. Князь Мазовецкий переменился в лице. – Други, князь мазовецкий прибыл сюда тайно, потому что для нас всех не уменьшилась и Даниилова угроза. Вам всем памятны наши меры против этого вероломного князя, нарушившего свои обещания, и я опасаюсь, как бы наш предстоящий поход не послужил поводом для новых Данииловых притязаний.

Воевода слушал своего князя и, признаться, не все понимал. Князь Михаил упомянул о возникшей угрозе польскому князю со стороны Даниила. Но Сече было хорошо известно, что в свое время Лешка Казимирович, брат князя Мазовецкого, погиб от руки Одонича. Не кто иной, как Даниил откликнулся тогда на зов князя Мазовецкого, пожелавшего наказать виновника гибели Казимировича. Это он, Даниил, уговорил и брата своего Василиска совместно выступить в поход на стороне князя Конрада. Что потом произошло между ними, воеводе было неизвестно.

– ...Но мы, – продолжал тем временем Михаил, – не можем оставить в беде нашего друга... Тем более что пруссы опасны и для нас...

Все согласно закивали. Было ясно, что вопрос решен и можно расходиться. Уже кое-кто стал подниматься, как вдруг раздался резкий голос козельского воеводы:

– Князь, дозволь вопрос, – обратился он к Михаилу. – Как пойдём? Впереди земли Данииловы.

Насторожившийся было Михаил облегченно вздохнул.

– Пусть тебя это не беспокоит, – ответил князь Мазовецкий, – проведем такими путями, что не только князь Даниил, сам Васаам не узнает.

Выступление назначили на завтра.

Вечером князь Михаил устроил пир в честь своего друга. Воевода, сославшись на усталость, от застолья отказался.

Зато князь Конрад с совета пришел довольный. Чувствовал он, что Михаил не очень-то хотел идти на помощь. «Бойтся. Правильно я сделал, что прибыл сам и не послушал магистра», – думал Конрад, стоя у раскрытого окна, из которого взгляд упирался лишь в высокую деревянную стену. Поверх ее виднелся кусочек голубого неба да вершины могучих деревьев, росших на пустыре за княжеским двором. Но Конрада это не смущало. Ведь отсюда он в любое

время мог попасть к той, которая оказала ему столько услуг. Совет советом, но не встань она на его сторону, вряд ли черниговец решился бы на этот поход...

Княжеское застолье набирало силу. В помещении стоял пьяный гул. Некоторые гости уже хватили лишнего и, навалившись на стол, спали непробудным сном. Перед тем как покинуть пир, княгиня выразительно взглянула на князя Конрада. Тот понял намек, но уйти прежде Михаила не мог. Дождавшись, когда вконец опьяневшего хозяина слуги под руки увели в спальню, князь Мазовецкий поднялся. Презрительно взглянув на пьяную оргию, он легко и трезво заспешил к выходу.

На другой день князь Михаил проснулся поздно. Болела голова. Он долго пил спасительную водицу, пока в голове не стало проясняться. Михаил откинулся на мягкие изголовники и страдальческим голосом кликнул слугу. В дверь просунулась голова отрока.

– Ступай посмотри, пан проснулся или нет.

Отрок крутанулся на голых пятках и бойко зашлепал по полу.

– Нет, еще спит, – доложил он вскоре.

– Поднабрался, видать, чертов лях. А матушка встала?

– Нет, и княгиня почивает.

– Слава тебе, – перекрестился князь, поворачиваясь и жалобно кряхтя, – никак и она того... лишкухватила? Ну, чего уставился?! – вдруг заорал он на отрока. – Ступай к тиуну, пусть холодного медку нальет. Да проворней беги!

Воевода уже был на ногах, не успело еще солнце оторваться от горизонта, и поднял своих людей. Но в этот день похода не получилось. Выступили только на следующее утро.

Князь отдал строгий приказ хранить поход в глубокой тайне. Еще не пропели петухи, как подняли отряды и глухие дороги поглотили черниговскую дружину. Проводник князя Мазовецкого знал свое дело и вел отряд уверенно. Безо всяких затруднений прошли Данииловы земли и вступили в Мазовию.

Внезапное нападение объединенных сил на врага сыграло свою роль. Конрад радовался, что задуманное так легко осуществляется. Пруссы сдавались без боя. Не встречая сопротивления, отряды, ведомые Мазовецким, устремились на север. Обозы победителей разрастались на глазах. Особенно усердствовали хозяева похода. Обрадованные наконец, что с лихвой могут возместить свою недавнюю беспомощность, они не стеснялись. Воевода своих сдерживал.

– Не грузи коня чужим добром, сложишь голову под их топором, – говаривал он своим дружинникам, глядя, как ляхи кидают в повозки прусский скарб.

Когда накатывалась зга⁸, утомленные походом дружинники останавливались на привал. Перед сном воевода всегда делал обход. Издали завидя высокую сухую фигуру своего предводителя, воины раздвигались, давая место у весело потрескивающего костра. Сеча, опершись на плечо какого-нибудь молодчика, присаживался на минутку, перебрасываясь с дружинниками парой шуток и шел дальше.

У очередного костра встретил Аскольда в кругу друзей. Тот смеялся вместе со всеми какой-то байке, но взор его был грустен. Вдохнул воевода, понимая, чем терзается его сын, но промолчал. Ведь как хотел уберечь его от тоски, в поход забрал, думал – забудется. Да ошибся, видать – слишком крепкое чувство вошло в сердце юноши...

А утром опять бешеная скачка. И снова вражьи города открывают свои ворота. Бегут старшины прусские. Но где их дружина? Уж очень подозрительны эта легкость побед и кажущаяся покорность врага. Дальше двигаться опасно – может быть западня. Сеча решил идти к князю.

Михаил встретил воеводу радостно, дохнув крепким винным запахом и нетвердо покачиваясь на ногах. Обсуждать с ним что-либо было бесполезно. Оставался только Конрад.

⁸ Зга – сумерки, темнота.

Свой шатер князь Мазовецкий разбил на холме, к которому со всех сторон подступал лес. Войдя в шатер, воевода прищурился от яркого света, исходившего от свечей, густо натканных в подсвечник. Внутренность шатра была обставлена со вкусом. В большом зеркале Сеча увидел старика с окладистой белой бородой и осунувшимся лицом. Не поверил изображению, ибо вовсе не таким себя чувствовал.

Князь сидел за столом и что-то писал. Услышав шаги, резко обернулся, но тут же расплылся в улыбке и широким жестом указал на стул.

– Чем могу служить?

– Князь, дальше двигаться нельзя, – с ходу начал воевода. – Враги часто пользуются такой хитростью – заманят в удобное для них место, где ни встать, ни мечом махнуть. Зажмут со всех сторон и давай тешиться. Прежде чем дальше идти, надо все разузнать. Где их воины? Почему они не оказывают сопротивление? И еще хотел бы я знать... только не серчай на меня, старика... Где обещанные тобой немцы? – Сеча резко выпрямился и казался теперь огромным и устрашающим.

– А, рыцари... – Конрад покосился на собеседника. – Должны быть. Вчера я получил весть, что фон Зальц выступил и вот-вот с нами соединится. А что касается твоих опасений, думаю, они напрасны. Я уже не раз говорил: просто враги не ждали нашего прихода и бросились спасать свои шкуры, ища защиты у паршивой Латвии. Будут просить у ней помощи. Пока те соберутся, мы успеем прибрать к рукам не один город. Тогда пойдем на мировую.

Воевода поморщился. Ему не понравились ни смысл слов, ни легкость, с какой они были произнесены.

– Если они соберут силы, то уже не будут думать о мире, – заметил он.

– Э, воевода, время ты не считаешь. Дело к осени пойдет. Урожай собирать надо. Согласятся они на мировую, поверь моему слову.

Воевода промолчал. Громким шлепком убил впившегося в щеку комара.

– Спать не дает эта живность, – пожаловался Конрад, ища понимания в глазах воеводы.

– Место ветренное выбирать надо, – посоветовал тот. – А на твои слова скажу: боюсь, князь, пронадеешься. Кому охота на своих плечах чужую ношу нести, каждый норовит ее сбросить. – Сеча поднялся. – Предлагаю подождать здесь.

– Военный поход всегда опасен. Если боишься его, не надо и начинать.

– Князь, я все сказал, – тихо ответил воевода. – Подумай. Не забывай, что и Ростислав, оставив Галич, думал кое-что приобрести у Литвы. Потерял же все. – Он направился к выходу.

Конрад быстро вышел из-за стола, преграждая Сече дорогу.

– Что заторопился, пан? Откушай со мной. Хочу угостить тебя заморскими винами.

– У нас панов нет, – усмехнулся воевода, – а за приглашение премного благодарен, но в походах не пью. Дал зарок. Нарушать не буду, – твердо закончил он.

Князь понял, что уговоры бесполезны, и проводил гостя до выхода.

– Останемся друзьями, воевода! – сказал вдогонку.

– От настоящих друзей, князь, никогда не отказываюсь. – И воевода стал быстро спускаться с холма, придерживаясь за высокую поросль. Поляк долго смотрел вслед, пока тот не скрылся за ближайшим лесом.

Время клонилось к вечеру. Яркое солнце уже касалось верхушек деревьев своим раскаленным ободом. Вокруг горели костры, и воздух был густо напоен запахом дыма, жареного мяса вперемешку с болотной гнилью и душистым липовым ароматом. В русском становище готовились ко сну, и мало кто заметил, как двое верховых исчезли в черной пасти леса.

А утром растревожил всех яростный лай приبلудных собак да громкий топот мчавшейся во весь опор лошади. Дозорные, узнав во всаднике своего, пропустили. Он не стал отвечать на все их расспросы, а сразу поскакал к стоянке воеводы.

Сеча уже проснулся и лежал, наблюдая, как серая пичужка кормит свое потомство. Она прыгала с ветки на ветку, держа добычу в маленьком клюве и тревожно чирикавая. Дальше понаблюдать за ней не удалось. Микула, сдерживая разгоряченную лошадь, на одном дыхании выпалил:

– Воевода, до пруссов два перехода. У них много воинства собралось. От их костров светло, как днем. А люди к ним идут и идут. Я Добрыню оставил, чтобы он все разглядел. Завтра к рассвету он должен вернуться, – Микула замолчал, тяжело дыша.

– Видишь, князь, – вслух сказал воевода, будто Конрад стоял где-то рядом, – кто прав? Отдыхай! – приказал он Микуле, вскочил и решительно зашагал к стоянке польского князя.

У входа в шатер, сидя прямо на земле, спали два воина, сжимая в руках тяжелые алебарды. Сеча осторожно проскользнул внутрь. Слабый огонь лампы, мерцавшей в углу, слабо освещал помещение. Князь Мазовецкий крепко спал. Воевода потряс его за плечо. Тот проснулся и, потягиваясь, спросил:

– Что привело тебя в такую рань?

– Пруссы в двух переходах отсюда, – коротко ответил воевода.

– Ну и что? – к удивлению его, князь ответил довольно спокойно. – Стоило из-за этого будить. Мы их сами ищем.

– Их очень много. И люди прибывают. Срочно надо посылать гонцов к немцам и укреплять лагерь. А может, и уходить...

– Что? – поляк приподнялся, лицо его стало жестким. – Уходить? Сейчас? Ты спятил, старик! Фон Зальц на подходе. Я сейчас же велю послать к нему гонца с повелением самого скорейшего прибытия. Уходить! – нижняя губа Конрада презрительно оттопырилась. – Что скажет Великий князь Михаил?

– Я сам ему доложу. Думаю, он со мной согласится. Хотя... на все его воля, – с этими словами Сеча вышел.

Немцы подошли на четвертый день. Об их появлении загодя возвестили громкие напевы труб и воинственный барабанный бой. Русскую дружину раздирало любопытство: никто из них до сих пор не видел этого диковинного воинства. И вот они показались. Впереди на вороных конях – несколько трубадуров с длинными, поднятыми вверх трубами. За ними – барабанщики. Затем закованный в железо воин на высоком белом коне. Стяг у него в руках бился на ветру. За ним шел отряд рыцарей впечатляющего и внушительного вида – в туниках и белых плащах. Каждого воина украшал большой черный крест на левом плече. В руках они держали огромные щиты с различными изображениями. Длинные с крестообразными рукоятками мечи бились о лошадиные бока в такт шагам. Все ряды были ровные, четкие. От них веяло грозной силой, смешанной с пренебрежением и явным чувством превосходства перед встречающимися.

– Ишь, гордецы какие! Не подойдешь! – возмутился стоявший рядом с Аскольдом дружинник. – Посмотрим, какие они в бою.

Сразу же состоялся совет. Узнав о враге, магистр ордена Герман фон Зальц презрительно бросил что-то по-немецки.

– «Пойдем вперед, там и утопим их в собственной крови», – перевел Конрад воеводе. На том и порешили.

Объединенное войско встретило врага на второй день пути. Оба князя и великий магистр в сопровождении небольшого отряда рыцарей выехали для осмотра противника. На дальнем конце огромного поля возвышался пологий холм. С его вершины в обе стороны спускались ряды прусского воинства. За их спинами, прикрывая, как щитом, красовалась громада дремучего леса. Слева, извиваясь по-ужиному, проползал древний овраг. Справа уходило вдаль, упираясь в небесную синеву, озеро.

Великий князь и воевода стояли рядом. Сеча долго и внимательно изучал место предстоящего боя. Михаил, несколько раз пробежав глазами по горизонту, нетерпеливо заерзал в седле. Воевода молчал. Наконец князь не выдержал и спросил:

– Ну как?

– Враг выбрал неплохую позицию. Смотри, слева атаковать их ряды помешает этот овраг. Справа – озеро. Боюсь, что в том лесочке может оказаться засада.

– Да, – согласился князь. – Но может быть, воспользоваться и нам лесом, ударить с тыла?

– Для начала надо подойти туда незаметно, – с улыбкой, стараясь не обидеть собеседника, ответил воевода.

Договорить им не дали: подъехали поляк с немцем и сообщили, что будет совет.

Длинные тени вековых деревьев, сиротливо возвышающихся посреди поля, растворялись в надвигающихся со стороны леса вечерних сумерках. Скоро солнце нырнуло в озеро. На поляне то тут, то там вспыхивали огоньки костров.

После совета, глядя вслед уходящему фон Зальцу, воевода обратился к Мазовецкому:

– Расскажи, что это за люди, князь.

– Хорошо, дай только горло промочить.

Отпив несколько глотков воды, стал рассказывать:

– Тяжело было Мазовии – племена пруссов в союзе с Литвой опустошали наши земли. Казна выдыхалась. Начались внутренние раздоры. Пруссы, не встречая сопротивления, нагнали с каждым днем. В это время в Ливонии рыцари меча успешно действовали против племен. И я решил переманить их на нашу сторону – отдал им замок Добрынь. Но надежды не оправдались. Пруссы, хоть и не смогли взять замок, но нагнали на рыцарей страху своим числом, и те прекратили боевые действия. А Европа все громче говорила о подвигах доблестных рыцарей Тевтонского ордена, вернувшихся из далекой Палестины. Они спали на твердых ложах, ели скудную пищу. Каждого нового брата встречали словами: «Наш устав: когда хочешь есть – должен поститься, когда хочешь поститься – должен есть. Для ордена ты должен отречься от отца, от матери, от брата и сестры, и в награду орден даст тебе хлеб, воду и рубище...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.